

Научно-правовой журнал

# ЦИФРОВОЕ ПРАВО

№ 2 (АПРЕЛЬ-ИЮНЬ) 2026 ГОД

---

Учредитель: доктор юридических наук, профессор Грудцына Л.Ю.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал основан в 2023 г., включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2023 г.

Выходит один раз в три месяца

ISSN 3034-4271

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций  
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-85529 от 4 июля 2023 г.)

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани». 2026



# РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ



Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора: **Н.Д. Эриашвили**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

## ***Научная специальность:***

### ***5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.***

- **О.Н. Булаков** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета.
- **Л.Ю. Грудцына** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.
- **Б.В. Сангаджиев** - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
- **Л.А. Тхабисимова** - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

## ***Научная специальность:***

### ***5.1.3. Гражданско-правовые (цивилистические) науки.***

- **А.В. Барков** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Е.В. Богданов** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.
- **Л.Ю. Грудцына** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.
- **А.Н. Левушкин** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.
- **А.Х. Миндагулов** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан).



# EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE “All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)” (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief: **N.D. Eriashvili**, Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Science and Technology, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, FGKOU HE “Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia” (Ufa, Russia)

## *Scientific specialty:*

### *5.1.2. Public law (public law) sciences.*

- **O.N. Bulakov** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State Humanitarian University.
- **L.Yu. Grudtsina** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE “All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),” Professor, FSBEI HE “Russian State Academy of Intellectual Property,” Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.
- **B.V. Sangadzhiev** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE “All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)”
- **L.A. Tkhabishimova** - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

## *Scientific specialty:*

### *5.1.3. Civil (civilistic) sciences.*

- *A.V. Barkov* - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **E.V. Bogdanov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.
- **L.Yu. Grudtsina** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE “All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),” Professor, FSBEI HE “Russian State Academy of Intellectual Property,” Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.
- **A.N. Levushkin** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.
- **A.Kh. Mindagulov** - Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan).

# EDITORIAL BOARD



## *Scientific specialty:*

### **5.1.4. Criminal law sciences.**

- S.A. Grimalskaya - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
- Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- V.E. Usanov - academician of the Russian Academy of Education (RAO), doctor of legal sciences, professor, professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
- M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, FGKOU HE "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (Ufa, Russia)



# РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

- **С.А. Барков** — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики
- **А.П. Галоганов** — доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов
- **В.Н. Жуков** — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
- **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
- **В.В. Комарова** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- **Г.Б. Мирзоев** — доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»
- **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики
- **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).
- **Б.С. Эбзеев** — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России



# EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** - Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

- **S.A. Barkov** — Doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of economic sociology and management of the sociological faculty of Moscow Lomonosov State University
- **Zh.A. Bokoev** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic
- **A.P. Haloganov** — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers
- **V.N. Zhukov** — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of State Theory and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher, Philosophy of Law, History and State Theory and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
- **S.D. Karakozov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University
- **V.V. Komarova** — Doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)
- **G.B. Mirzoev** — Doctor of Law, Professor, President of the Guild of Russian Lawyers, Rector of the Russian Academy of Lawyers and Notaries, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Doctor of Bridchport University (USA), Honorary Doctor of Philosophy of the University «EuroSwiss»
- **R.M. Myrzalimov** — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic
- **K.Kh. Rakhimberdin** — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)
- **B.S. Ebzeev** — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired), Member of the CEC of Russia





# CONTENT:

|||||

## **POLITICS AND LAW**

Kryukov S.A. \* Dynamism as the essential property of law (on the example of the activities of state bodies of the Russian Federation during the COVID-19 pandemic) . . . . . 11

## **HUMAN RIGHTS**

Gashigullina V.A. \* The presumption of community of spouses' property . . . . . 15

Nikiforov V.V. \* Evolution of the right to information in the digital age: from digital profile infrastructure to digital personal sovereignty . . . . . 22

## **THEORY OF LAW AND STATE**

Moiseeva N.A. \* The Right to an Idea: Problems and Prospects . . . . . 31

Kryukov S.A. \* Technological factor as a catalyst for dynamism in law in modern Russia . . . . . 36

## **LAW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**

Sinev I.I. \* Digital violence: problems of prevention and evidence . . . . . 39

Tolstykh I.V. \* The problem of recognizing cyber attacks as a force majeure . . . . . 43

Simonova E.K. \* Deepfake as a way to commit crimes . . . . . 46

Andreeva K.M. \* Victimological prevention of remote theft in the activities of district police officers . . . . . 52

## **DIGITAL LAW AND ECONOMICS**

Gaidukova V.V. \* Economic value of media brand: approaches to valuation and methods of capitalization . . . . . 57

## **CIVIL LAW**

Gashigullina V.A. \* Disadvantages of the marriage contract . . . . . 62

## **BUSINESS LAW**

Tolstykh I.V. \* The problem of distinguishing force majeure and entrepreneurial risk . . . . . 68

## **CRIMINAL LAW THEORY**

Tashchilin R.I. \* #8 Practical application and approbation. Approbation of the methodological order: results of a pilot project on a sample of crimes of minor and moderate gravity . . . . . 72



# ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.  
Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-11-14

**КРЮКОВ Семён Александрович**,  
магистрант Юридического института имени М.М. Сперанского  
Владимирского государственного университета  
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,  
г. Владимир,  
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:  
**ПЕТРОВА Ирина Леонидовна**,  
кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры «Теория и история государства и права»  
Юридического института имени М.М. Сперанского  
Владимирского государственного университета  
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,  
г. Владимир,  
e-mail: mail@law-books.ru

## ДИНАМИЗМ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СВОЙСТВО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ РФ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19)

**Аннотация.** В статье рассматривается ключевой аспект права — его способность к динамическому развитию и адаптации к новым общественным условиям. Динамичность права проявляется в активных действиях государства по формированию правовых норм. Затрагиваются временные рамки изменений и дополнений, касающихся ограничений конституционных прав и свобод, которые были введены в контексте мер, направленных на преодоление пандемии COVID-19, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов, например, в Краснодарском крае. Конституция Российской Федерации устанавливает, как и при каких условиях возможно ограничение конституционных прав и свобод. Это служит конституционно-правовым инструментом для адаптации закона к изменяющимся социальным условиям. Гибкость системы российского права обеспечивается заложенной в конституционных нормах возможностью проявления его динамизма.

**Ключевые слова:** права и свободы, пределы прав и свобод, ограничение прав, Конституция Российской Федерации, динамизм права, пандемия, юридическая ответственность.

**KRYUKOV Semyon Aleksandrovich**,  
Master's student at the M.M. Speransky Law Institute  
of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich  
and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir

Academic Supervisor:  
**PETROVA Irina Leonidovna**,  
Candidate of Law, Associate Professor,  
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law  
at the M.M. Speransky Law Institute of Vladimir State University  
named after Alexander Grigorievich  
and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir

## DYNAMISM AS THE ESSENTIAL PROPERTY OF LAW (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF STATE BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC)

**Annotation.** *The article examines a key aspect of law: its ability to develop dynamically and adapt to new social conditions. The dynamism of law is manifested in the state's active efforts to form legal norms. The article discusses the timeframe of changes and additions related to the restrictions on constitutional rights and freedoms that were introduced in the context of measures aimed at overcoming the COVID-19 pandemic, both at the federal level and at the level of constituent entities, such as the Krasnodar Territory. The Constitution of the Russian Federation establishes the conditions under which constitutional rights and freedoms can be restricted. This serves as a constitutional and legal tool for adapting the law to changing social conditions. The flexibility of the Russian legal system is ensured by the inherent dynamism of its constitutional norms.*

**Key words:** *rights and freedoms, limits to rights and freedoms, restriction of rights, Constitution of the Russian Federation, dynamism of law, pandemic, legal responsibility.*

Основными характеристиками права являются его динамика и стабильность, которые позволяют ему эффективно регулировать общественные отношения. Стабильность определяется системой норм и процедур её изменения, а также принципами нормативности и формальной четкости. Высокое качество юридической техники влияет на стабильность правового порядка. Изменения в правовых нормах должны вноситься только при наличии достаточных оснований (экономических, социальных, политических); в противном случае существует риск утраты доверия общества к праву и рост правового нигилизма. Право развивается в связи с изменениями в социально-политических, технологических, экологических и иных условиях и в этой связи, возрастает значимость способности его адаптации к быстро меняющейся реальности к новой реальности.

Право является довольно сложной и постоянно развивающейся структурой. Можно привести параллель с живым существом, которому для выживания приходится изменяться и адаптироваться под существующие условия. В данном случае, адаптация является одним из важнейших свойств, присущих праву. Эффективная правотворческая деятельность служит одним из лучших способов адаптации права к меняющимся условиям.

С формально-юридической точки зрения, части 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ запрещают принятие законов, которые могли бы отменить или существенно ограничить права и свободы человека и гражданина. Однако, ограничение вышеуказанных прав допускается в случаях необходимости защиты основ конституционного строя, здоровья, нравственности, а также для обеспечения обороны и безопасности государства. [1]

Нет сомнений относительно того, что права и свободы человека и гражданина не могут быть неограниченными. Поскольку каждый индивид находится в социальном контексте, абсолютная свобода неминуемо приведет к нарушению порядка и безопасности, обеспечиваемыми правовыми нормами и государственными институтами. Вопрос ограничения прав и свобод на всех этапах существования права вызывал массу дискуссий и споров и рассматривался с учетом исторических и социальных реалий своего времени.

Главной проблемой ограничения прав является определение критериев, позволяющих установить баланс между дозволенным и запретным. Так, например, Е.Н. Козинникова анализирует данное положение с точки зрения формального равенства, подчеркивая, что ограничения допускаются лишь в интересах, указанных в Конституции, при условии равенства всех законом. [2] А.В. Тельнов считает, что наличие определенных ограничений является индикатором уровня свободы и защищенности личности в обществе, отражая соотношение между государством и индивидом. [3]

В 2020 году человечество столкнулось с глобальной проблемой, не имеющей аналогов в современной постсоветской истории России. В СССР нередко возникали эпидемии, такие как, например, холера в 1970 году, когда была организована Всесоюзная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия. Тем не менее, в XXI веке на повестке дня уже стоит пандемия, вызванная как научно-техническим прогрессом, процессами глобализации и высокой мобильностью населения.

В связи с распространением инфекции и увеличением числа смертей государством были приняты ограничительные меры, которые были своевременными и оправданными. Однако, общественное мнение разделилось, поскольку ограничение на перемещение и свободный выбор места пребывания сказались на условиях жизни, к чему общество не было готово. Многие рабочие места простаивали, огромные трудовые ресурсы были переведены на дистанционный формат работы, который выявил множество проблем, связанных с его организацией и формальным закреплением в законодательстве. [4] Люди были вынуждены оставаться в своих домах, часть граждан вовсе лишилась источников дохода. Принимая во внимание серьезность ситуации, можно заключить, что в данном случае ограничения были без сомнения обоснованы, поскольку от этого зависело спасение жизни и здоровья населения страны. Осознавая это, упущенные доходы многих людей во время введения дистанционного формата не представляются настолько серьезной проблемой.

Несмотря на растущее недовольство населения и нарастание социальной напряженности, государство продолжало реализовывать политику

повышения готовности и укрепления мер самоизоляции. Указом № 239 от 2 апреля 2020 года Президентом РФ были продлены нерабочие дни до конца апреля. Помимо прочего руководителям субъектов Российской Федерации было предоставлено право на введение ограничительных мер в зависимости от сложности ситуации. Так, губернатор Краснодарского края В.И. Кондратьев своим постановлением № 194 от 5 апреля 2020 года продлил карантин до 12 апреля 2020 года.

Параллельно с этой ситуацией, адаптируясь под внешние условия, активно изменялось федеральное законодательство – были приняты законы о внесении изменений в Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс. Так, были приняты федеральные законы № 99-ФЗ от 31 марта 2020 года, № 94-ФЗ, № 73-ФЗ и № 95-ФЗ от 1 апреля 2020 года, а также № 100-ФЗ от 7 апреля 2020 года. [5] Данными федеральными законами была введена уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации, угрожающей жизни граждан (ст. 207.1 УК РФ), и за нарушение санитарно-эпидемиологических норм, что могло привести к массовым заболеваниям (ст. 236 УК РФ). Некоторые законы, принятые 1 апреля, не касались ситуации с пандемией. Например, в преддверии общероссийского голосования по поправкам к Конституции были внесены изменения в Уголовный кодекс о «общероссийском голосовании», хотя само голосование, запланированное на 22 апреля, впоследствии было перенесено.

В субъектах Российской Федерации активно развивалась административная практика применения части 2 ст. 6.3 КоАП РФ, позволяющая привлекать к ответственности за действия или бездействие в условиях режима чрезвычайной ситуации. Например, в Краснодарском крае на 10 апреля 2020 года было составлено около тысячи протоколов по части 2 ст. 6.3 КоАП РФ в связи с введением карантина и системы пропусков. В соседней Республике Адыгея, где карантин не был объявлен, также применялась административная ответственность по ст. 20.6.1 КоАП РФ за нарушение правил поведения в условиях режима повышенной готовности из-за угрозы возникновения чрезвычайной ситуации. [6]

Помимо прочего, в ходе введения ограничительных мер, были выявлены пробелы в законодательстве, продиктованные, прежде всего, технологическим прогрессом. Перевод большей части населения на дистанционный режим работы подтолкнул законодателя к быстрой доработке уже существующей на тот момент главы в Трудовом кодексе, регулирующей трудовые отношения между работником и работодателем в период выполнения трудовой функции в дистанционном формате. Так, в 2022 году Трудовой кодекс (глава 49.1 Особенности регулирования труда дистанционных работников) был существенно дополнен, что позволило закрыть пробелы, су-

ществовавшие в тот период времени. Так, более детально был регламентирован порядок взаимодействия работника и работодателя и установлены способы определения эффективности труда в дистанционном режиме. Данные изменения привели к переосмыслению привычной работы и на текущий момент многие рассматривают трудоустройство исключительно с применением дистанционного режима работы.

Таким образом, в России в период с марта по апрель 2020 года наблюдалась активизация всех правотворческих ресурсов в ответ на глобальную проблему – пандемию COVID-19. Появившаяся угроза, связанная с увеличением числа заболевших и погибших, подтверждала целесообразность введения ограничений на конституционные права и свободы граждан. Российская Федерация продемонстрировала готовность оперативно корректировать правовые нормы и активизировать применение законодательства в условиях, быстро меняющихся на фоне глобального кризиса. Это подтверждается не только соблюдением принципов законности и верховенства права, но и мгновенной реакцией на необходимость принятия новых нормативных актов.

Примечательно, что не только исполнительные органы, но и законодательные органы власти смогли оперативно отреагировать на необходимость внесения быстрых изменений в правовые нормы. Как отмечает Л. Дюги, государство формулирует и констатирует нормы права для их реализации. В своей деятельности органы власти Российской Федерации приняли меры по ограничению прав граждан, базируясь на динамичности как неотъемлемом признаке права, с целью обеспечения здоровья населения и соблюдения уже существующих норм. Это говорит о жизнеспособности российской правовой системы и способности теории и практики действовать во взаимосвязи при реализации права.

Подводя итог, мы формулируем главный вывод, который заключается в том, что эффективность правового регулирования в динамичном мире – это не статичное состояние и не раз и навсегда достигнутый идеал. Мы считаем, что это непрерывный, рефлексивный процесс поиска баланса между стабильностью и изменчивостью, между формальным равенством и фактической справедливостью, между цифровой эффективностью и человеческим достоинством. Законодатель в данном случае должен отказаться от уверенности в том, что можно создать идеальный закон, который будет эффективно функционировать вечно. Современная правовая система обязана быть гибкой, восприимчивой к обратной связи и технологичной.

#### Список литературы:

[1] Конституционные права в России: судебная практика и сравнительные материалы / Е. В. Гриценко, А. В. Должиков, И. А. Дудко [и др.]. –

Москва : Центр конституционных исследований, 2024. – 582 с.

[2] Козинникова Е. Н. Отечественное государственное устройство конца XIX – начала XX века о полицейской деятельности в чрезвычайных правовых режимах : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Козинникова Екатерина Николаевна, 2023. – 269 с.

[3] Тельнов А. В. Репутация как нематериальное благо Российской Федерации и ее гражданско-правовая защита от диффамации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тельнов Алексей Владимирович, 2022. – 267 с.

[4] Семитко А. П. С. С. Алексеев: ценность права - в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе») / А. П. Семитко // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 3(26). – С. 14-55.

[5] Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 01.04.2020 N 99-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_349081/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349081/) (дата обращения: 17.04.2026).

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.12.2024). // СПС КонсультантПлюс. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_34661/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/) (дата обращения: 17.04.2026).

## References:

[1] Constitutional Rights in Russia: Judicial Practice and Comparative Materials / E. V. Gritsenko, A. V. Dolzhikov, I. A. Dudko [et al.]. – Moscow: Center for Constitutional Studies, 2024. – 582 p.


[2] Kozinnikova E. N. Domestic Political Science of the Late 19th – Early 20th Centuries on Police Activities in Emergency Legal Regimes: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences / Kozinnikova Ekaterina Nikolaevna, 2023. – 269 p.

[3] Telnov A. V. Reputation as an intangible asset of the Russian Federation and its civil-law protection from defamation: specialty 12.00.03 «Civil law; business law; family law; private international law»: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Telnov Aleksey Vladimirovich, 2022. – 267 p.

[4] Semitko A. P. S. S. Alekseev: the value of law is in affirming the value of the individual, his rights and freedoms, high organization and order in the life of society (introductory article to the reprint of the book by S. S. Alekseev «The Social Value of Law in Soviet Society») / A. P. Semitko // Bulletin of the Humanitarian University. – 2019. – No. 3 (26). – P. 14-55.

[5] Federal Law «On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» dated 01.04.2020 N 99-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_349081/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349081/) (date of access: 17.04.2026).

[6] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 13.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 24.12.2024). // SPS ConsultantPlus. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_34661/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/) (date of access: 17.04.2026).



Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»  
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

**ЮРКОМПАНИ**  
[www.law-books.ru](http://www.law-books.ru)

# ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.  
Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-15-21

**ГАШИГУЛЛИНА Виктория Азатовна**,  
студент, Новосибирский государственный университет  
экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ),  
г. Новосибирск, Россия,  
e-mail: gashigullina.vika@mail.ru

## ПРЕЗУМПЦИЯ ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

**Аннотация.** Работа посвящена анализу юридической природы и фактической реализации того предположения о совместном характере супружеского имущества, которое закреплено в первом пункте статьи 34 главного семейно-правового акта России. Доказывается тезис о том, что данное предположение носит опровержимый материально-правовой характер, заметно облегчает процессуальное положение того из супругов, на чье имя имущество не оформлено, но в условиях цифровизации хозяйственного оборота, феномена прекращения семейного союза при сохраняющейся регистрации брака и распространения процедур личного банкротства нуждается в адресной донастройке. Раскрываются образующие данное предположение элементы, его процессуальные последствия, а также основания и пределы его опровержения. Обобщение двух актов органа конституционного контроля — изданных в июле 2021 года под номером 35-П и в октябре 2025 года под номером 36-П — наряду с практикой соответствующей коллегии высшей судебной инстанции позволило сформулировать предложения о внесении точечных изменений в статьи 34, 35, 36, а также 38 кодифицированного семейного закона.

**Ключевые слова:** опровержимое предположение о совместном имуществе, статутный режим супружеских активов, нажитые в браке активы, распределение бремени доказывания, фактический разрыв супружеских отношений, токенизированные активы, раздел общего имущества при банкротстве.

**GASHIGULLINA Victoria Azatovna**,  
student, Novosibirsk State University  
of Economics and Management «NINH» (NSUEM),  
Novosibirsk, Russia

## THE PRESUMPTION OF COMMUNITY OF SPOUSES' PROPERTY

**Annotation.** This study addresses the legal nature and the practical operation of the assumption that any property acquired during the marital union is jointly held by spouses, the said assumption being enshrined in the first paragraph of Article 34 of the principal Russian family-law statute. The author argues that the rule has the character of a rebuttable presumption of substantive law, that it materially eases the evidentiary burden borne by the spouse on whose name the asset is not formally registered, and that, given the digitalisation of economic turnover, the phenomenon of de facto termination of family relations under a still-valid marriage registration, and the proliferation of personal-bankruptcy procedures, the rule requires targeted recalibration. The constitutive elements, procedural consequences, as well as the grounds and limits of rebuttal are examined. Drawing upon two rulings of the body of constitutional review (issued in July 2021 under number 35-P and in October 2025 under number 36-P) together with the case-law of the relevant chamber of the supreme court of general jurisdiction, the author advances proposals for adjusting Articles 34, 35, 36 and 38 of the codified family law.

**Key words:** rebuttable assumption of joint ownership, statutory regime of marital assets, assets acquired during the union, allocation of the evidentiary burden, de facto disruption of marital relations, tokenised assets; division of common property in bankruptcy.

Опровержимое предположение о совместном характере супружеского имущества образует ту смысловую ось, вокруг которой выстроен законный имущественный режим семьи. Юридическим источником этой презумпции слу-

жит начальное положение статьи 34 кодифицированного семейного закона [3]: всё, что приобретено в период существования брачного союза, считается принадлежащим супругам сообща. Как отмечает Е. А. Чехранова, презумпция фиксирует

не сами вещи, а юридический режим их закрепления — до тех пор, пока обратное не подтверждено доказательствами, любой актив, оказавшийся у одного из супругов в период действия брачных уз, рассматривается как часть общей имущественной массы [18, с. 24]. В таком прочтении презумпция выполняет одновременно две задачи: страхует имущественные интересы того из супругов, на чьё имя актив не зарегистрирован, и одновременно перекладывает процессуальную ответственность за доказывание противоположного на ту сторону, которая ссылается на раздельный характер вещи. Эта функциональная двойственность задаёт исходную методологическую рамку для всего последующего анализа.

Гипотеза настоящего исследования формулируется следующим образом: презумпция общности имущества супругов в её действующем нормативном выражении сохраняет необходимый уровень защитного потенциала, однако нуждается в законодательной конкретизации применительно к трём проблемным узлам — фактическому прекращению брачных отношений в период раздельного проживания супругов, цифровым активам как новому объекту правового режима общности и распределению имущественной массы при банкротстве одного из супругов. Доказательство гипотезы предполагает последовательное раскрытие структурных элементов презумпции, её процессуальных следствий и оснований опровержения, выявленных по итогам анализа нормативного материала, актов высших судебных инстанций и доктринальных источников.

Внутренняя архитектура рассматриваемой презумпции складывается из трёх связанных между собой компонентов. Прежде всего она привязана к временному критерию: значение имеет приобретение объекта в тот период, когда брачный союз официально существовал. Хронологические границы — от записи о браке до его юридического прекращения, исчисляемого по правилам статьи 25 семейного закона [3], — образуют временной коридор действия презумпции. Далее, презюмируемой общности подлежат именно нажитое в указанный период; согласно второму пункту статьи 34 [3] сюда отнесены трудовые, предпринимательские и творческие доходы каждого из супругов, выплаты социального и пенсионного характера, не имеющие индивидуального целевого назначения, а также любые вещи, бумаги, доли и вклады, приобретённые на общие средства, — независимо от того, на чьё имя оформлена сделка или на чей счёт зачислены деньги. Наконец, действует встроенное в закон ограничение: то, что подпадает под перечень статьи 36 [3] — добрачное имущество, унаследованное либо подаренное, индивидуальные предметы, исключительные авторские права — исключается из режима общности и не охватывается описываемой презумпцией. Тем самым она получает чёт-

кие очертания как по времени, так и по предмету.

Процессуальные последствия презумпции имеют принципиальное значение. Высшая судебная инстанция последовательно проводит подход, согласно которому доказательственное бремя в имущественных супружеских спорах ложится на ту сторону, которая утверждает о принадлежности вещи к общей либо раздельной массе; данная позиция нашла отражение в обобщении судебной практики за первое полугодие 2022 года [9], а также в кассационном определении по делу № 57-КГ24-1-К1, рассмотренном в июле 2024 года [10]. Истец, добывающийся раздела совместно нажитого, освобождён от необходимости доказывать сам факт общности — он презюмируется в силу нормы. Обратная же сторона, настаивающая на квалификации актива как раздельного, должна представить документальные подтверждения соответствующих обстоятельств: момент приобретения, безвозмездную природу основания возникновения права, источник средств, из которых актив был оплачен. По заслуживающей поддержки оценке М. В. Ульяновой, выбранная отечественным законодателем модель распределения процессуальных тягот гармонично соотносится с принципом равенства сторон супружеского союза и обеспечивает дополнительную правовую защиту экономически зависимому супругу [17, с. 47]. Тем самым процессуальная техника доказывания органично воспроизводит логику материально-правового режима.

Опровержение презумпции допустимо любыми из перечисленных в процессуальном законе доказательств. Однако в правоприменительной практике уже выкристаллизовался узкий набор устойчивых юридических конструкций, фактически предопределяющих исход спора. Первая конструкция строится на правиле «следования» источника финансирования: если приобретение в период брака произведено за счёт средств, имевшихся у супруга до вступления в брак или поступивших к нему по безвозмездному основанию, актив выводится из-под действия презумпции. Этот подход проводится высшим судом [10] и поддержан большинством отечественных авторов [16, с. 87; 18, с. 33]. Вторая конструкция привязана к природе самого объекта: предметы, обслуживающие повседневные индивидуальные нужды конкретного супруга — гардеробного, обувного и сходного с ними назначения — оказываются за рамками общей массы; единственным оговорённым законом исключением выступают ювелирные украшения и иные ценности, отнесённые к категории предметов роскоши и прямо названные во втором пункте статьи 36 [3]. Третья конструкция связана с фактическим прекращением семейных связей при раздельном проживании. Каждая из перечисленных юридических моделей образует автономный механизм коррекции презумпции, при этом ни одна из них не свободна от собственных интерпретационных проблем.

Именно последний из названных подходов составляет, по-видимому, самый уязвимый участок применения презумпции. Четвёртый пункт статьи 38 семейного закона [3] позволяет суду признать имущество, нажитое каждым из супругов в то время, когда они проживали отдельно при прекратившихся семейных отношениях, индивидуальной собственностью того, кто это имущество приобрёл. Однако сам законодатель обошёлся без расшифровки ключевых формул: в кодексе не определено, какие именно обстоятельства свидетельствуют о «прекращении семейных отношений», какие признаки идентифицируют отдельное проживание и каким должен быть порядок распределения доказательственной нагрузки в подобных ситуациях; не сформулирована и встречная презумпция, которая опрокидывала бы общность по факту установления отдельного быта. Как замечает Р. А. Сакулин, регулятивный эффект решений судов общей юрисдикции в этой части лишь частично восполняет нормативный пробел и, по существу, ставит исход спора в зависимость от усмотрения конкретного состава суда [15]. Близкое наблюдение делает Д. О. Османова применительно к режиму имущества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях: те же признаки семейного союза — совместное проживание и ведение общего хозяйства — не получают исчерпывающей юридической квалификации, что, в свою очередь, отражается и на регулировании имущественных последствий распада таких отношений [14, с. 41]. Следствием подобного нормативного дефицита становится зависимость правоприменения от индивидуальной интерпретации судьёй, что несовместимо с принципом единообразия судебной практики.

Второй проблемный узел опровержения презумпции связан с цифровыми активами. Принятие в 2020 году специального федерального закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте [5] поставило перед правоприменителем вопрос о том, как описываемая презумпция работает применительно к этим объектам. Прямого ответа кодифицированный семейный закон не содержит. По обоснованной позиции В. В. Аристова, действие презумпции общности должно распространяться и на токенизированные активы, приобретённые в период брака: к этому приводит общий смысл базовой нормы статьи 34 [3] и закрытый, не подлежащий расширительному толкованию характер перечня отдельного имущества в статье 36 [3; 13, с. 41]. Однако сложность смещается в плоскость доказывания: бестелесная природа таких активов, анонимность владельца кошелька, практическая трудность установления цепочки переходов прав делают проверку обстоятельств приобретения средствами обычного гражданского процесса крайне затруднительной. По данным обобщённой Президиумом Верховного Суда Российской

Федерации судебной практики [9], отечественные суды пока не располагают отлаженным инструментарием для оценки цифровых активов в рамках раздела супружеского имущества. Очевидно, разрешение этой задачи потребует ввода специальных процессуальных правил доказывания и расширения предмета регулирования статьи 35 [3] обязанностью супругов раскрывать друг другу сведения о цифровых кошельках при разделе.

Третий проблемный узел опровержения презумпции возникает на стыке семейно-правового и конкурсного регулирования. Распространение института личного банкротства, закреплённого специальным федеральным законом 2002 года [4], потребовало решить непростой вопрос о судьбе общей супружеской массы при несостоятельности одного из её участников. Седьмой пункт статьи 213.26 названного закона [4] относит к конкурсной массе и долю должника в общем имуществе, реализуемом на торгах с последующей выплатой второму супругу его части от вырученных средств. Постановление Пленума высшей судебной инстанции о порядке формирования и распределения имущественной массы граждан-банкротов от декабря 2018 года [8] закрепило, что общее имущество супругов реализуется в составе конкурсной массы должника, а супруг-несообщник получает соразмерную долю из выручки. Как отмечает И. М. Шевченко, описанный механизм опровержения презумпции через включение совместно нажитого в конкурсную массу нуждается в законодательной доработке: в существующей редакции он способен непропорционально ущемить имущественные интересы супруга-несообщника, особенно тогда, когда фактический хозяйственный вклад последнего в стоимость объекта изначально превалировал [19, с. 122]. Этот аспект ярко высвечивает недостаточную интеграцию семейно-правовой презумпции общности в конструкцию конкурсного процесса.

Особого внимания заслуживает процедурное измерение действия презумпции, выраженное в третьем пункте статьи 35 семейного закона [3] — обязательном требовании о нотариально удостоверенном согласии супруга на распоряжение общими активами. Указанное правило является логическим продолжением предположения об общем характере имущества: коль скоро приобретённое в браке считается принадлежащим обоим, то совершение наиболее чувствительных распорядительных действий должно опираться на согласованное волеизъявление с обеих сторон. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30 октября 2025 года № 36-П [7] обнаружил процедурный изъян в действующей редакции названной нормы — она не предусматривает упрощённого порядка оформления нотариального согласия для супруги военнослужащего, проходящего службу в труднодоступной местности, который позволял

бы обойтись без личной явки к нотариусу. Орган конституционного контроля указал на необходимость обеспечения реальной доступности соответствующего нотариального удостоверения с учётом конкретных условий жизнедеятельности отдельных категорий граждан. Хотя содержательно данное постановление не затрагивает напрямую вопрос фактического раздельного проживания, оно отражает общую тенденцию Конституционного Суда Российской Федерации к точечной модернизации норм, опосредующих презумпцию общности, и подтверждает обоснованность поднимаемых в науке вопросов о пределах её действия и процедурного оформления супружеского имущественного режима.

В историческом разрезе развитие режима общности имущества супругов в России также подтверждает потребность в его модернизации. По наблюдению В. В. Аристова, эволюция нормативной модели прошла путь от элементов раздельности в дореволюционном правопорядке через формирование института совместной соб-

ственности в советский период к современному режиму, заложенному Семейным кодексом Российской Федерации 1995 года [12]. Концептуальные основы действующей модели были заложены в трудах М. В. Антокольской, последовательно проводящей идею двойственной — гражданско-правовой по существу и семейно-правовой по источнику возникновения — природы имущественных отношений супругов [11, с. 174]. Историко-правовой анализ свидетельствует о том, что российский правопорядок никогда не отказывался от презумпции общности, последовательно воспроизводя её в кодифицированных актах семейного права; вместе с тем в каждый исторический период данная презумпция получала специфическое содержательное наполнение, отражающее экономические и социальные реалии своего времени.

Сравнительно-правовое сопоставление действия презумпции общности в основных правопорядках континентальной Европы и в Российской Федерации представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительно-правовая характеристика действия презумпции общности имущества супругов.

Параметр	Российская Федерация	Германия (BGB)	Франция (Code civil)
Нормативная основа	П. 1 ст. 34 СК РФ [3]	§ 1363 BGB (Zugewinngemeinschaft) [20]	Ст. 1400 Code civil (communauté réduite aux acquêts) [21]
Объём действия	Имущество, нажитое в период брака	Прирост имущества за период брака	Имущество, приобретённое в период брака за счёт общих средств
Бремя доказывания	На стороне, опровергающей общность	На стороне, ссылающейся на прирост	На стороне, опровергающей общность
Раздельное проживание	Дискреция суда (п. 4 ст. 38 СК РФ)	Юридический срок раздельного проживания	Возможность установления режима раздельности
Цифровые активы	Специальное регулирование отсутствует	Включаются по общим правилам	Включаются по общим правилам

Проведённое исследование нормативного, доктринального и правоприменительного материала позволяет очертить контуры итоговых положений. Презумпция общности имущества супругов остаётся опорной конструкцией законного имущественного режима семьи и обеспечивает базовую защиту имущественных интересов экономически зависимой стороны брачного союза. В то же время три проблемных узла, обозначенных выше, — фактический разрыв семейных отношений, появление новых классов цифровых активов и личное банкротство одного из супругов — настоятельно требуют законодательного отклика. По результатам анализа автор выдвигает следующие предложения. Во-первых, в

статье 36 кодифицированного семейного закона [3] целесообразно закрепить отдельную норму, относящую к раздельной собственности активы, приобретённые одним из супругов в период раздельного проживания при доказанном фактическом прекращении семейного союза, с переносом презумпционного бремени на того, кто настаивает на сохранении такого союза. Во-вторых, статью 35 [3] следует дополнить взаимной обязанностью супругов раскрывать сведения о цифровых финансовых активах при разделе общего имущества. В-третьих, в положениях статьи 213.26 закона о банкротстве [4] требуется выстроить прозрачный механизм выдела супружеской доли из конкурсной массы, гарантирую-

щий справедливое распределение вырученных средств и приоритетную защиту прав добросовестного супруга-несобственника. В-четвёртых, нуждается в практическом воплощении правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации в октябрьском постановлении 2025 года [7], применительно к процедуре нотариального оформления согласия супруга на сделки с общим имуществом — с поправкой на фактические условия жизнедеятельности граждан. Наконец, обозначенная проблематика тесно соприкасается с защитой имущественных интересов третьих лиц — добросовестных приобретателей; здесь надёжным ориентиром служит правовая позиция, выработанная Конституционным Судом Российской Федерации в июльском постановлении 2021 года [6], относительно пределов истребования имущества из чужого незаконного владения.

В качестве вывода уместно констатировать, что нормативно закреплённая презумпция общности имущества супругов отражает базовый принцип равенства супругов в браке и образует надёжную правовую опору для защиты экономически слабой стороны. Вместе с тем заявленная гипотеза находит своё подтверждение: для адекватного отражения современных социально-экономических реалий — феномена раздельного проживания при сохраняющемся юридическом браке, цифровизации имущественного оборота, распространения процедур банкротства физических лиц — нормативная модель презумпции нуждается в точечной законодательной модернизации. Без соответствующих изменений институт презумпции общности имущества супругов будет всё чаще обнаруживать дефицит регулятивной адекватности при разрешении новых типов имущественных споров.

#### Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

[4] О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.

[5] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.

[6] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 года № 35-П. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107150001> (дата обращения: 28.04.2026).

[7] По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждани-на Лустача Олега Игоревича: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2025 года № 36-П. // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_517750/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517750/) (дата обращения: 28.04.2026).

[8] О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 2.

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022): утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2022 года. // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404676313/> (дата обращения: 28.04.2026).

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2024 года № 57-КГ24-1-К1. // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409374743/> (дата обращения: 28.04.2026).

[11] Антокольская М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма; ИНФРА-М, 2013. — 431 с.

[12] Аристов В. В. История появления и развития, эволюция режима общности имущества супругов в России: часть первая / В. В. Аристов // Семейное и жилищное право. — 2024. — № 6.

[13] Аристов В. В. Режим общности имущества супругов в современной России: актуальные проблемы и дискуссии / В. В. Аристов // Закон. — 2024. — № 9. — С. 35–43.

[14] Османова Д. О. Правовой режим имущества фактических супругов / Д. О. Османова // Юрист. — 2023. — № 3. — С. 38–44.

[15] Сакулин Р. А. Регулятивное воздействие индивидуально-правовых актов судов общей юрисдикции Российской Федерации на имущественные отношения супругов / Р. А. Сакулин // Актуальные проблемы российского права. —

2022. — № 10.

[16] Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов / А. В. Слепакова. — Москва: Статут, 2005. — 444 с.

[17] Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов / М. В. Ульянова // Правосудие/Justice. — 2023. — № 4. — С. 44–52.

[18] Чефранова Е. А. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) / Е. А. Чефранова, С. Ю. Чашкова // Lex Russica (Русский закон). — 2024. — Том 77. — № 12. — С. 23–44.

[19] Шевченко И. М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) / И. М. Шевченко // Закон. — 2023. — № 4. — С. 116–125.

[20] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 28.04.2026).

[21] Code civil français. // Legifrance.gouv.fr. Le service public de la diffusion du droit. URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte\\_lc/LEGITEXT000006070721/](https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/) (дата обращения: 28.04.2026).

[22] Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты. URL: <https://notariat.ru/> (дата обращения: 28.04.2026).

#### References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 46. — Art. 4532.

[3] Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 1. — Art. 16.

[4] On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 43. — Art. 4190.

[5] On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (Part I). — Art. 5018.

[6] In the case concerning the verification of the constitutionality of paragraph 1 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E. V. Mokeev: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 13, 2021 No. 35-P. // Official Internet Portal

of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107150001> (date of access: April 28, 2026).

[7] In the case concerning the verification of the constitutionality of paragraph 3 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Oleg Igorevich Lustach: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 30, 2025 No. 36-P. // SPS «ConsultantPlus». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_517750/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517750/) (date accessed: 28.04.2026).

[8] On certain issues related to the specifics of the formation and distribution of bankruptcy estates in individual bankruptcy cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2019. - No. 2.

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2022): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 1, 2022. // SPS «GARANT». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404676313/> (date accessed: 28.04.2026).

[10] Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 16, 2024, No. 57-KG24-1-K1. // SPS «GARANT». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409374743/> (date of access: April 28, 2026).

[11] Antokolskaya, M. V. Family Law: textbook / M. V. Antokolskaya. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Norma; INFRA-M, 2013. - 431 p.

[12] Aristov, V. V. History of the emergence and development, evolution of the regime of community property of spouses in Russia: part one / V. V. Aristov // Family and housing law. — 2024. — № 6.

[13] Aristov V. V. Community Property Regime of Spouses in Modern Russia: Current Issues and Discussions / V. V. Aristov // Law. — 2024. — № 9. — Pp. 35–43.

[14] Osmanova D. O. Legal Regime of Property of De facto Spouses / D. O. Osmanova // Jurist. — 2023. — № 3. — Pp. 38–44.

[15] Sakulin R. A. Regulatory Impact of Individual Legal Acts of Courts of General Jurisdiction of the Russian Federation on Spousal Property Relations / R. A. Sakulin // Current Issues of Russian Law. — 2022. — № 10.

[16] Slepakova A. V. Spousal Property Relations / A. V. Slepakova. — Moscow: Statut, 2005. — 444 p.

[17] Ulyanova M. V. The Principle of Equal Rights of Spouses and Grounds for Derogation in the Division of Spousal Property / M. V. Ulyanova // Justice. — 2023. — No. 4. — P. 44–52.

[18] Chefranova E. A. Directions for Improving the Legal Regulation of Spousal Property Relations (the Sphere of Coordinating Business Interests and the Interests of Spouses) / E. A. Chefranova, S. Yu. Chashkova // Lex Russica (Russian Law). — 2024. —

Vol. 77. — No. 12. — P. 23–44.

[19] Shevchenko I. M. On the Issue of the Regime of the Spouses' Property Mass (Some Reflections on the Example of Bankruptcy Cases) / I. M. Shevchenko // Law. — 2023. — No. 4. — P. 116–125.

[20] Federal Law on Justice and Civil Procedure (BGB). // Federal Ministry of Justice and Civil Procedure. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (accessed on 28 April 2026).

[21] French Civil Code. // Legifrance.gouv.fr. Le service public de la diffusion du droit. URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte\\_lc/LEGITEXT000006070721/](https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/) (accessed on 28 April 2026).

[22] Official website of the Federal Chamber of Notaries. URL: <https://notariat.ru/> (accessed: 28.04.2026).



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*



**НИКИФОРОВ Владимир Витальевич**,  
аспирант,  
Псковский государственный университет,  
г. Псков, Россия,  
e-mail: info@stechr.ru

Научный руководитель:  
**ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович**,  
профессор, доктор юридических наук,  
кафедра государственно-правовых дисциплин и теории права,  
Псковский государственный университет,  
г. Псков, Россия,  
тел.: +7(8112)201-699, доп.563,  
e-mail: profi.60@mail.ru

## **ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ: ОТ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛЯ К ЦИФРОВОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ ЛИЧНОСТИ**

**Аннотация.** В статье исследуется эволюция права на доступ к информации в условиях цифровой трансформации и формирования инфраструктуры цифрового профиля личности. На основе анализа действующего законодательства, официальных источников и современных научных исследований выявляется ограниченность сложившейся парадигмы доступа к информации, ориентированной преимущественно на идентификацию и транзакционную передачу данных. Автором обосновывается необходимость перехода к парадигме правового обеспечения цифрового суверенитета личности. Предлагается оригинальная теоретическая модель, включающая пять содержательных уровней цифрового профиля (базовый идентификационный, функционально-отраслевой, поведенческо-коммуникационный, аналитико-прогнозный, мета-регулятивный), две обеспечивающие среды (технологическая инфраструктура и крипто-среда доверия) и выстраиваемая в связи с этим, концепция жизненного цикла цифрового профиля личности.

В статье отмечается, что действующее правовое регулирование охватывает лишь начальные уровни структуры, тогда как наиболее проблемный – аналитико-прогнозный аспект, на котором формируются скоринговые оценки, рейтинги и иные производные выводы, определяющие социально-экономические перспективы личности, остается в «правовом вакууме».

Раскрывается потенциал Единого портала цифровых профилей (ЕПЦП) как «инкубатора-матрицы», способного обеспечить прозрачность накопления, расширенный контроль, верифицируемое удаление и защиту от фальсификаций. Формулируется необходимость смены парадигмы – от «доступа к информации» к «суверенитету над выводами», предполагающей распространение контроля личности на все стадии жизненного цикла данных, обеспечение прозрачности алгоритмов, право на объяснение и оспаривание алгоритмических решений. Это потребует корректировки представлений о субъективном праве, расширяя его инструментальные возможности для воздействия правообладателя на процессы, в которых он заинтересован. Статья предназначена для исследователей в области теории права, конституционного права, информационного права, цифрового права, а также для разработчиков государственных информационных систем и специалистов в сфере защиты персональных данных.

**Ключевые слова:** цифровой профиль личности (ЦПЛ), право на информацию, цифровой суверенитет личности, правовая поддержка, персональные данные, жизненный цикл данных, алгоритмическая дискриминация, скоринг, Единый портал цифровых профилей (ЕПЦП), среда аутентичности, правовой образ, право на забвение.

**NIKIFOROV Vladimir Vitalyevich**,  
Postgraduate Student, Pskov State University,  
Pskov, Russia

Academic Supervisor:  
**VASILIEV Sergey Vladimirovich**,  
Professor, Doctor of Law,  
Department of Public Law Disciplines and Legal Theory,  
Pskov State University, Pskov, Russia

# EVOLUTION OF THE RIGHT TO INFORMATION IN THE DIGITAL AGE: FROM DIGITAL PROFILE INFRASTRUCTURE TO DIGITAL PERSONAL SOVEREIGNTY

**Annotation.** *This article examines the evolution of the right to access information in the context of digital transformation and the development of a digital personal profile infrastructure. Based on an analysis of current legislation, official sources, and contemporary scientific research, the limitations of the existing paradigm of access to information, which is primarily focused on identification and transactional data transfer, are revealed. The author substantiates the need to transition to a paradigm of legal support for the digital sovereignty of the individual. An original theoretical model is proposed, including five substantive levels of the digital profile (basic identification, functional-industry, behavioral-communication, analytical-predictive, and meta-regulatory), two enabling environments (technological infrastructure and a crypto-trust environment), and the resulting concept of the digital personal profile lifecycle. The article notes that current legal regulation covers only the initial levels of the structure, while the most problematic aspect—the analytical and predictive aspect that forms scoring assessments, ratings, and other derivative conclusions that determine an individual’s socioeconomic prospects—remains in a «legal vacuum.»*

*The article explores the potential of the Unified Digital Profile Portal (UDP) as an «incubator-matrix» capable of ensuring transparent accumulation, expanded control, verifiable deletion, and protection from falsification. It formulates the need for a paradigm shift—from «access to information» to «sovereignty over conclusions» — that extends individual control to all stages of the data lifecycle, ensures algorithmic transparency, and ensures the right to explain and challenge algorithmic decisions. This will require a refinement of the concept of subjective rights, expanding their instrumental capabilities for influencing the processes in which they have a stake. This article is intended for researchers in the fields of legal theory, constitutional law, information law, digital law, as well as for developers of government information systems and specialists in the field of personal data protection.*

**Key words:** *digital identity profile (DIP), right to information, digital sovereignty of the individual and its legal support, personal data, data lifecycle, algorithmic discrimination, scoring, Unified Digital Profile Portal (EDPP), authenticity environment, legal image, right to oblivion.*

## Введение

Цифровая трансформация государственного управления привела к формированию принципиально новой реальности, в которой каждый человек обладает множеством цифровых отображений – профилей в информационных системах органов власти и коммерческих организаций. Как отмечают Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова и А.В. Минбалеев, «цифровое профилирование становится важнейшим фактором, обуславливающим персонализацию личности в общественной жизни» [1, с. 5].

Объективно возникает проблема укрепления позиций субъективного права, используя которое, правообладатель получает необходимые возможности обеспечивать свои персональные (личные) интересы в новых создавшихся условиях цифрового мира. Данный тезис подтверждают в своих исследованиях О.П. Колесников, Е.А. Суханов, И.П. Семченков и др., которые связывают субъективное право со свободой лица и её пределами, не только как вид поведения, но и меру свободы лица. [24; 25; 26]. Как следствие, в теории права, требуется серьезная проработка подходов к пониманию субъективного права и его существования в принципиально новых условиях, что активизирует научную дискуссию по этому направлению.

Созданная в России инфраструктура – ЕСИА (единая система идентификации и аутентификации), портал Госуслуги, СМЭВ (система межве-

домственного электронного взаимодействия), платформа согласий – сформировали технологический базис для обмена верифицированными данными между государством, гражданами и бизнесом. При этом, социологические исследования фиксируют высокий уровень доверия к государственным цифровым сервисам (до 85%) [2].

Однако анализ официальных источников [10; 11] показывает, что созданная инфраструктура охватывает лишь начальные этапы работы с данными – их идентификацию и верифицированную передачу. За пределами публичного контроля остается ключевая стадия – аналитико-прогнозная обработка, где на основе переданных сведений формируются скоринговые оценки, рейтинги и риск-профили, определяющие социально-экономические перспективы личности. Правовой режим данного уровня практически отсутствует, что создает риски скрытой алгоритмической дискриминации. Поэтому, актуальность темы статьи не вызывает сомнений.

Теоретические основы права на информацию заложены исследователями М.А. Федотовым, И.Л. Бачило, П.У. Кузнецовым, В.Н. Лопатиным, А.В. Морозовым, М.М. Рассоловым, В.А. Копыловым [1].

Проблематика цифровой трансформации широко рассматривается в трудах Т.А. Поляковой, А.В. Минбалеевым, В.Б. Наумовым [2]. Вопросы цифрового доверия разработаны А.Г. Саниной, Е.М. Стыриным [3]. Современное фундамен-

тальное определение цифрового профиля дано в работе Е.В. Виноградской, Т.А. Поляковой, А.В. Минбалева [4]. Концепция цифрового суверенитета личности развивается А.А. Тедеевым [5].

Значительный список исследователей показывает разработанность темы. Однако комплексного исследования, рассматривающего цифровой профиль личности (далее по тексту – ЦПЛ), сквозь призму структурированной модели и жизненного цикла, до настоящего времени не проводилось.

Цель статьи – теоретико-правовое обоснование перехода от понимания цифрового профиля как технологической инфраструктуры к его рассмотрению в контексте цифрового суверенитета личности и разработка концептуальной модели для анализа правовых проблем, возникающих при таком переходе.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Выявить и систематизировать существующие доктринальные подходы к определению ЦПЛ, определив их теоретико-правовые основания и границы применимости.

2. Разработать теоретическую модель ЦПЛ, раскрывающую его правовую природу, структуру и элементы.

3. Охарактеризовать правовой режим ЦПЛ в действующем законодательстве, выявив пробелы и коллизии в регулировании.

4. Укрепить правовое положение личности, усовершенствовав ее субъективное право на информацию.

5. Обосновать концепцию цифрового суверенитета личности как теоретико-правовую основу для совершенствования правового регулирования цифрового профиля.

Теоретико-правовая направленность исследования выражается в том, что цифровой профиль рассматривается не как технологический феномен, а как правовая категория, требующая определения ее правовой природы, места в системе объектов гражданских и информационных прав, а также разработки концептуальных основ правового регулирования возникающих при этом общественных отношений.

В ходе исследования применялись как общенаучные, так и специальные юридические методы познания. Использовались диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод правового моделирования, системно-структурный анализ.

### **Глава 1. Цифровой профиль как правовая категория: достигнутый уровень и границы понимания**

Категория «цифровой профиль» начала формироваться в российском праве на рубеже 2010–2020-х годов. В Концепции цифрового профиля – ЕСИА (2026) он определяется как совокупность цифровых записей о гражданине в информаци-

онных системах госорганов и организаций [7; 18]. Аналогичное определение закреплено в методических рекомендациях Минцифры [8].

Правовая основа функционирования системы «Цифровой профиль личности» законодательно ограничена и закреплена в Постановлениях Правительства РФ с 2013 г. по 2023 г. [15; 22; 23; 24].

Как обоснованно указывают Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова и А.В. Минбалева, данные определения не лишены недостатков, т.к. они не отражают целевого характера формирования данных и связывают профиль исключительно с госорганами, исключая коммерческий сектор [4, с. 8].

В научной литературе А.К. Жарова определяет и расширяет ЦПЛ как «многоуровневую сложную систему, формируемую анализом данных из всех информационных систем» [9, с. 58]. Важное значение при этом, имеет соотношение ЦПЛ со смежными категориями – социальным скорингом, единым регистром населения, единой биометрической системой и пр. [4, с. 9–13].

Проведенный анализ позволяет осознать проблемы субъективного права в определении персональных интересов правообладателя (личности) и определить ЦПЛ – как право, а не обязанность, в правовом смысле. И позволяет определить цифровой профиль как полноценно отражающий совокупность актуальных и достоверных данных о лице, формируемых в информационных системах органов власти, подведомственных и коммерческих организаций, взаимодействующих через технологические инструменты (СМЭВ, ЕСИА и др.) в целях предоставления этих данных с согласия субъекта третьим лицам.

Существенной характеристикой данной модели является ее инфраструктурно-транзакционный, фрагментарный и ограниченный характер.

Действующая инфраструктура ЦПЛ базируется на трех ключевых элементах:

1. ЕСИА – обеспечивает идентификацию и содержит достоверные сведения о гражданине [10, с. 4];

2. Распределенная структура данных – данные не хранятся централизованно, а формируются по запросу в ведомственных реестрах через СМЭВ с использованием технологии витрин данных (DataMart – хранилище консолидированных данных из различных предметных областей, на основе которых возможно получение производных показателей, которые напрямую нигде не связаны и удаляются с окончанием запроса-сессии);

3. Платформа коммерческих согласий – успешно протестированный сервис Минцифры и Центробанка, на базе портала Госуслуги, позволяет гражданину управлять выданными разрешениями на доступ к личным данным и обмениваться данными клиентов финансовых организаций через OpenAPI (технология быстрой и безопасной передачи данных, обеспечивающая интеграцию разных приложений и программ).

Анализ сценариев использования показывает, что платформа согласий работает в двух режимах: онлайн (через сайт, либо API-приложение) и офлайн (через QR-код, например, в отделении банка или медицинского учреждения) [11]. Перечень потребителей сведений постоянно расширяется: от банков и страховщиков до негосударственных пенсионных фондов (НПФ) и агентств по страхованию вкладов (АСВ). Так, например, с 2024 года создана платформа коммерческих согласий (ПКС) на базе портала Госуслуги, на которой организации-потребители данных будут делиться информацией о клиентах через открытые API-приложения. Поэтапное внедрение обязательного использования открытых API на финансовом рынке планируется с 2026 года.

В дальнейшем систему могут начать распространять на других поставщиков услуг по модели открытых данных с целью расширения рынка оборота данных, как базового ресурсного инфраструктурного и неотъемлемого элемента цифровой экономики.

Рынок оборота данных является одним из факторов развития современной экономики и входит в национальный проект «Экономика данных». [12; 20] В России, в 2024 году рынок оценивался в 433 млрд руб., а по итогам 2025 года рынок оборота данных может достичь 520 млрд руб. (среднегодовой темп роста около 20%). [13; 19].

Однако существующая инфраструктура имеет транзакционный характер, т.к. ее основная функция состоит в обеспечении передачи данных, а не контроле их последующей обработки. Получив верифицированные сведения, банк или иная организация обрабатывает их собственными алгоритмами, формируя производные выводы – скоринги, рейтинги, прогнозы. Именно эти выводы, а не исходные данные, определяют принимаемые решения. Правовой режим данной стадии – аналитико-прогнозной обработки – практически не урегулирован. С данным положением сходятся практически все исследователи данной тематики [2; 3; 5]. Правовая проблема для гражданина, в данном случае, может заключаться в отсутствии законодательно закрепленных гарантий реализации его правомочий в отношении собственных персональных данных и производной аналитико-прогнозной информации при их обработке потребителями данных, что влечет риск необоснованного ограничения его прав и законных интересов.

## **Глава 2. Многоуровневая модель цифрового профиля как инструмент системного анализа**

Раскрытие правовой природы ЦПЛ требует его представления не как единого массива данных, а как сложносоставного правового феномена. Такой подход позволяет дифференцировать правовое регулирование в зависимости от характера информации (идентифицирующая, функциональная, поведенческая, аналитическая)

и обеспечить адекватную защиту прав субъекта на каждом из них.

Автором предлагается выделить пять содержательных уровней цифрового профиля:

Уровень 1. Базовый идентификационный. Представлен первичными данными, однозначно идентифицирующими личность: ФИО, дата рождения, паспортные данные, СНИЛС, ИНН, биометрия.

Уровень 2. Функционально-отраслевой (реестровый). В данный уровень включены также первичные сведения из ведомственных систем: налоги, доходы, образование, медицина, транспорт, судимость и прочее.

Уровень 3. Поведенческо-коммуникационный. Представляют первичные данные, которые генерируются активностью личности в цифровой среде, включая истории поиска (например - геолокации, комментарии, активность в социальных сетях, истории покупок и другие).

Уровень 4. Аналитико-прогнозный (уровень производных данных). Выделяются как результаты автоматизированной обработки исходных данных - скоринги, рейтинги, прогнозные модели, риск-профили и другие.

Уровень 5. Мета-регулятивный (уровень контроля). Данные о данных: журналы обращений, история согласий, настройки приватности, записи об изменениях и т.д.

Содержательные уровни не существуют изолированно, между ними могут и должны происходить взаимосвязи друг от друга, а вместе они взаимосвязаны в единую систему. Они представляют различные источники (природу) получения данных и обработки информации, составляющую цифровой профиль. Образованное соединение уровней, как конструкция, погружена в две функциональные среды – технологическую и среду аутентичности и верификации.

Среда аутентичности и верификации (криптослой доверия – внутренняя среда) обеспечивает подлинность и неизменность данных таких как - инфраструктура электронной подписи, системы проверки сертификатов, технологии распределенного реестра, криптографические методы защиты и др. Именно эта доверенная среда позволяет решать проблему дипфейков и иных фальсификаций.

Технологическая инфраструктура (внешняя среда) представлена совокупностью аппаратных, программных и телекоммуникационных средств: ЕСИА, СМЭВ, API-приложения, каналы связи, центры обработки данных (ЦОД) и прочее, что обеспечивает возможность приема, передачи и обработки данных.

Действующее правовое регулирование охватывает преимущественно уровни: базовый идентификационный, функционально-отраслевой и частично мета-уровень. Поведенческо-коммуникационный уровень регулируется фрагментарно (через пользовательские соглашения), а анали-

тико-прогнозный уровень, очевидно, находится в «правовом вакууме».

Данная концептуальная модель успешно встраивается в теорию жизненного цикла ЦПЛ.

Под жизненным циклом, в данном случае, понимается последовательность стадий, которые проходит цифровое отображение человека от момента формирования до его удаления из системы.

Следовательно, жизненный цикл может включать в себя следующие стадии:

1. Рождение (инициация). Первичное формирование профиля, верификация личности, создание базовых записей.

2. Накопление (развитие). Наполнение ЦПЛ данными из официальных и неофициальных источников (уровни 2 и 3).

3. Трансформация (использование и модификация). Изменение данных, статусов. Обработка данных алгоритмами, формирование производных выводов (уровень 4), принятие решений.

4. Хранение (архивация). Сохранение данных после завершения активного использования.

5. Удаление (забвение). Прекращение существования профиля (полное или частичное).

Каждая стадия требует специфических правовых гарантий. Наиболее проблемной, как полагает автор, является стадия трансформации, где исходные данные превращаются в решения, влияющие на права личности, но остаются непрозрачными для субъекта.

Показательным примером служит решение Суда Европейского Союза по делу SCHUFA (C-634/21), где суд признал, что кредитный скоринговый балл, рассчитанный алгоритмом и переданный банку, по сути, является автоматизированным решением, определяющим доступ гражданина к кредиту. При этом гражданин не имел возможности узнать, какие именно факторы повлияли на расчёт балла, поскольку бюро кредитных историй отказалось раскрыть логику алгоритма под предлогом коммерческой тайны [22]. Суд ЕС подчеркнул, что такое положение дел несовместимо с правом на прозрачность и эффективную защиту, закреплённым в GDPR.

В российской практике аналогичная проблема возникает при автоматизированном кредитном скоринге и отборе кандидатов на трудоустройство, где соискатель не подозревает, что решение принято алгоритмом на основе его цифровых следов. Как отмечает Е.А. Русскевич, в некоторых случаях цифровой профиль может стать предметом преступного посягательства — например, при создании фейкового аккаунта от имени лица или использовании его электронной подписи для мошенничества с недвижимостью [23]. Это подтверждает, что отсутствие правовых механизмов, обеспечивающих прозрачность алгоритмической обработки, контроль над аутентичностью цифрового отображения и право на объяснение принятых решений, создает зону

правовой неопределенности и риски нарушения прав личности.

### **Глава 3. Единый портал цифровых профилей в парадигме «правового образа» цифрового суверенитета личности**

Действующая в настоящее время государственная инфраструктура цифрового профиля ориентирована на решение различных транзакционных задач и не охватывает стадии накопления поведенческих данных, трансформации в производные выводы, хранения и удаления.

Исходя из предложенной структуры, автором предложена концепция Единого портала цифровых профилей (ЕПЦП), призванного восполнить этот пробел. Полагаем, что именно благодаря этому предложению возможно говорить о регулировании механизмов функционирования института цифрового профилирования в обществе, в дальнейшем.

Условно, ЕПЦП представляет собой доверенную интеграционную платформу-агент, обеспечивающую личности единую точку доступа, контроля и управления всеми сферами ее цифрового отображения на протяжении полного жизненного цикла данных в защищенных средах, и выступающую ключевым институциональным механизмом реализации цифрового суверенитета личности в отношениях с государством и бизнесом.

Метафора «инкубатора-матрицы» описывает ЕПЦП как защищенную среду, в которой цифровой профиль проходит все стадии жизненного цикла в условиях прозрачности и подконтрольности субъекту.

На стадии рождения ЕПЦП обеспечивает технологически гарантированное присоединение к системе, первичную верификацию с использованием крипто-среды доверия. На стадии накопления — предоставляет гражданину целостную картину всех данных о нем. На стадии трансформации — фиксирует все акты использования данных и позволяет отслеживать логику алгоритмической обработки. На стадии хранения — гарантирует неизменность архивных данных. На стадии удаления — обеспечивает верифицируемое подтверждение факта удаления (криптографический сертификат).

Анализ выделенных позиций позволяет говорить о возможности человека самостоятельно и осознанно контролировать свои цифровые данные и определять условия их обработки, включая поведенческие данные и производные выводы [14], быть инициатором условий хранения, верифицируемого удаления, перехода от согласия на передачу к согласию на обработку. В своей совокупности эти правомочия образуют правовой образ информационного суверенитета личности — нового правового качества, которое позволяет рассматривать человека не как пассивный объект цифровой обработки, а как активного субъекта, определяющего судьбу своего цифрового

отображения. Именно такой подход обеспечивает подлинную реализацию конституционного права человека на информацию (ст. 29 Конституции РФ) в условиях перехода от стадии цифровой трансформации к стадии построения цифрового государства.

Таким образом, ЕПЦП способен реализовать этот суверенитет через единый интерфейс доступа ко всем своим данным в подключенных системах института цифрового профилирования в обществе.

Вместе с тем, существует опасение, что концентрация данных в ЕПЦП создает риски тотального контроля, единой точки отказа, утечки и несанкционированных изменений (модификации) данных.

Минимизация этих рисков требует применения различных инструментов от распределенного хранения данных (блокчейн-технологии), криптографической защиты, независимого аудита и до судебного контроля.

Проведенный анализ позволяет сформулировать главный теоретический результат статьи: обоснование смены парадигмы «доступа к информации» на парадигму «суверенитета над выводами», как право на объяснение и оспаривание алгоритмических решений.

Действующая парадигма «доступа к информации» характеризуется фокусом на исходных данных, согласием как основным инструментом для осуществления транзакции, транзакционным характером и статичностью представления данных. Как пример, она эффективна на базовом (1) и функционально-отраслевом уровнях (2), но не работает на поведенческо-коммуникационном (3) и аналитико-прогнозном уровнях (4).

Напротив, в обновленной, предлагаемой парадигме «суверенитета над выводами» предполагается учесть перенос фокуса с исходных данных на производные выводы, признание алгоритмической обработки объектом правового регулирования. А также право на распространение контроля на все стадии жизненного цикла ЦПЛ, институционализацию ответственности за алгоритмические решения и др.

Новая парадигма требует внедрения механизмов прозрачности алгоритмов (регистрация, раскрытие логики, независимый аудит), контроля и оспаривания (право на объяснение, административная и судебная защита), ответственности за дискриминационные и непрозрачные алгоритмы, а также институциональные механизмы (создание института Уполномоченного по цифровым правам, экспертные советы, саморегулирование) и прочее.

### **Заключение**

Зарождающаяся в настоящее время в России инфраструктура ЦПЛ представляет собой технологически развитую систему обмена верифицированными данными, успешно решающую задачи

идентификации и транзакционной передачи информации.

Однако данная инфраструктура функционирует в рамках парадигмы «доступа к информации», которая охватывает лишь начальные стадии жизненного цикла цифрового профиля и оставляет за своими пределами ключевую стадию – аналитико-прогнозную обработку данных, где формируются производные выводы, определяющие социально-экономические перспективы личности и в большей степени осваиваемую бизнесом, создавая правовую незащищенность.

Выявленный разрыв требует смены парадигмы – перехода от «доступа к информации» к «суверенитету над выводами», предполагающему распространение контроля личности на все стадии жизненного цикла данных, обеспечение прозрачности алгоритмов, включая право на объяснение и оспаривание алгоритмических решений.

Разработанная теоретическая модель ЦПЛ определяет исчерпывающее определение, имеет пять взаимосвязанных уровней и две обеспечивающие среды, а концепция жизненного цикла создает аналитический инструментарий для системного анализа правовых проблем в новой парадигме.

С позиции правообладателя, ЕПЦП, при условии его проектирования в соответствии с принципами новой парадигмы, способен стать ключевым институтом реализации цифрового суверенитета личности, расширяет его полномочия в отношении цифрового профиля: от пассивного согласия на передачу данных — к активному управлению их накоплением, обработкой и удалением, а также к контролю за подлинностью цифрового отображения личности.

Направления дальнейших исследований могут быть ориентированы в сторону разработки конкретных правовых механизмов регистрации и аудита алгоритмов, стандартов объяснимости алгоритмических решений, процедур оспаривания, института Уполномоченного по цифровым правам, а также международно-правовое измерение проблемы.

### **Список литературы:**

- [1] Чеботарева А.А. Информационное право. МИИТ. Москва 2014. С.8-13.
- [2] Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сб. науч. Тр. По матер. I Междунар. Науч.-практ. Конф. (Саратов, 17–18 октября 2019 г.) / под ред. Н.Н. Ковалевой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». С.10-14.
- [3] Санина А.Г., Семенова А.М., Стырин Е.М., Атаева А.Г. Цифровое доверие как основа дата-центричного управления: результаты опросного эксперимента // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 168–194.

- [4] Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбале-ев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // *Право-применение*. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.
- [5] Тедеев А.А. Цифровой суверенитет личности: конституционно-правовые основы формирования в Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2023. № 4. С. 110–114.
- [6] Исследование: порядка 85% взрослого населения доверяет цифровым госсервисам // *ТАСС*. 2021. 12 апреля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11121571> (дата обращения: 15.02.2026).
- [7] Концепция и архитектура цифрового профиля – ЕСИА 2.0 (утв. 29 марта 2019 г.). // *Национальная программа развития цифровой экономики Российской Федерации «Цифровая экономика 2024»*. URL: <https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/362/> (дата обращения: 20.02.2026).
- [8] Письмо Минцифры России от 01.12.2025 N МШ-П24-117737 «О взаимодействии с инфраструктурой цифрового профиля». Законодательство Российской Федерации. URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Mintsifry-Rossii-ot-01.12.2025-N-MSH-P24-117737/> (дата обращения: 15.02.2026).
- [9] Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // *Юрист*. 2020. № 3. С. 55–61.
- [10] Сценарии использования инфраструктуры цифрового профиля физического лица. Версия 1.47. Методические рекомендации Минцифры России от 2 апреля 2021 г. // [Электронный ресурс]. URL: [view.officeapps.live.com/office/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fadm.digital.gov.ru%2Fapp%2Fuploads%2F2025%2F08%2Fd32aec\\_c\\_scenarii\\_ispolzovaniya\\_czp\\_fl\\_v1\\_47.docx&wdOrigin=BROWSELINK](view.officeapps.live.com/office/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fadm.digital.gov.ru%2Fapp%2Fuploads%2F2025%2F08%2Fd32aec_c_scenarii_ispolzovaniya_czp_fl_v1_47.docx&wdOrigin=BROWSELINK) (дата обращения: 28.02.2026).
- [11] Цифровой профиль гражданина: что это и чем он полезен бизнесу // *Инфотекст Интернет Траст*. URL: <https://iitrust.ru/articles/tsifrovoy-profil-grazhdanina-cto-eto-i-chem-on-polezen-biznesu> (дата обращения: 15.02.2026).
- [12] Стратегия – Ассоциация больших данных. // *Ассоциация больших данных*. URL: <https://rubda.ru/deyatelnost/strategiya/> (дата обращения: 15.02.2026).
- [13] Российский рынок Big Data и ИИ: объем в 520 млрд рублей к 2025 году. // *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8195580>. (дата обращения: 15.02.2026).
- [14] Тедеев А.А. Цифровой суверенитет личности: конституционно-правовые основы формирования в Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2023. № 4. С. 110–114.
- [15] Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 №710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах». // *СПС Гарант*. URL: <https://base.garant.ru/72262102/> (дата обращения: 20.02.2026).
- [16] Постановление Правительства РФ от 10.07.2013 №584 «Об использовании федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». // *Официальный сайт Правительства Российской Федерации*. URL: <http://government.ru/docs/all/87908/> (дата обращения: 20.02.2026).
- [17] Постановление Правительства РФ от 27.03.2023 №453 «О проведении эксперимента по осуществлению идентификации и аутентификации с использованием федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». // *Официальный сайт Правительства Российской Федерации*. URL: <http://government.ru/docs/all/133673/> (дата обращения: 20.02.2026).
- [18] Распоряжение Правительства РФ от 04.07.2023 №1790-р «Об утверждении Перечня сведений, которые владельцы сайтов, и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и (или) информационных систем...» // *Официальный сайт Правительства Российской Федерации*. URL: <http://government.ru/docs/all/148513/> (дата обращения: 20.02.2026).
- [19] Экономика данных в России: как бизнес и государство строят цифровую трансформацию 13.01.2026. // *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8335113> (дата обращения: 20.02.2026).
- [20] Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». // *Портал органов государственной власти Ставропольского края*. URL: [https://stavregion.ru/\\_cms\\_page\\_media/11373/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20\\_Ekonomika%20dannyykh%20i%20tsifrovaya%20trans.gosud.pdf](https://stavregion.ru/_cms_page_media/11373/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20_Ekonomika%20dannyykh%20i%20tsifrovaya%20trans.gosud.pdf). (дата обращения: 20.02.2026).
- [21] Цифровой профиль физического лица | ЕСКС. // *Портал государственных услуг Российской Федерации*. URL: [https://info.gosuslugi.ru/articles/Что\\_такое\\_Цифровой\\_профиль\\_физического\\_лица/](https://info.gosuslugi.ru/articles/Что_такое_Цифровой_профиль_физического_лица/) (дата обращения: 20.02.2026).
- [22] Cjeu ruling in the matter of “SCHUFA” not only affects credit scoring (C-634/21) // *International Network of Privacy Law Professionals*. URL: <https://inplp.com/pl/latest-news/article/cjeu-ruling-in-the-matter-of-schufa-not-only-affects-credit-scoring-c-63421/> (дата обращения: 17.03.2026).
- [23] Русскевич Е. А. Цифровой профиль как предмет преступлений против конституционных

прав и свобод человека и гражданина: вопросы квалификации. // Союз криминалистов и криминологов. URL: <https://crimescience.ru/articles/Аналитические-материалы-членов-Союз-67.html/> (дата обращения: 17.03.2026).

[24] Семченков И.П. Философия права. Сущность субъективного права: авторское исследование /Игорь Павлович Семченков – 2-е изд., с доп. и изм. – Калининград: ООО «РА Полиграфичь», 2025. –176 с.

[25] Суханов Е.А. Российское гражданское право: учеб. в 2 т. Т. I. М.: Статут. 2011. С. 112.

[26] Колесников О.П. Пределы субъективных гражданских прав // Журнал российского права. 2007. №12. С.39.

### References:

[1] Chebotareva A.A. Information Law. MIIT. Moscow 2014. Pp. 8-13.

[2] Problems and Challenges of the Digital Society: Trends in the Development of Legal Regulation of Digital Transformations: Coll. sci. Proc. According to the Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conf. (Saratov, October 17-18, 2019) / edited by N.N. Kovaleva; Saratov State Law Academy. Pp. 10-14.

[3] Sanina A.G., Semenova A.M., Styryn E.M., Ataeva A.G. Digital Trust as the Basis for Data-Centered Management: Results of a Survey Experiment // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2025. No. 1. Pp. 168-194.

[4] Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: concept, regulation mechanisms, and implementation issues // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 4. pp. 5–19.

[5] Tedeev A.A. Digital sovereignty of the individual: constitutional and legal foundations for its formation in the Russian Federation // Russian justice. 2023. No. 4. pp. 110–114.

[6] Study: about 85% of the adult population trusts digital government services // TASS. 2021. April 12. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11121571> (accessed: February 15, 2026).

[7] Concept and architecture of the digital profile – ESIA 2.0 (approved March 29, 2019). // National Program for the Development of the Digital Economy of the Russian Federation «Digital Economy 2024». URL: <https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/362/> (date accessed: 20.02.2026).

[8] Letter of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation dated 01.12.2025 No. МШ-П24-117737 «On interaction with the digital profile infrastructure». Legislation of the Russian Federation. URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Mintsifry-Rossii-ot-01.12.2025-N-MSH-P24-117737/> (date accessed: 15.02.2026).

[9] Zharova A.K. Issues of Ensuring the Security of a Person’s Digital Profile // Jurist. 2020. No. 3. pp. 55–61.

[10] Scenarios for using the digital profile infrastructure of an individual. Version 1.47.

Methodological recommendations of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation dated April 2, 2021 // [Electronic resource]. URL: [view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fadm.digital.gov.ru%2Fapp%2Fuploads%2F2025%2F08%2Fd32aec\\_c\\_scenarii\\_ispolzovaniya\\_czp\\_fl\\_v1\\_47.docx&wdOrigin=BROWSELINK](view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fadm.digital.gov.ru%2Fapp%2Fuploads%2F2025%2F08%2Fd32aec_c_scenarii_ispolzovaniya_czp_fl_v1_47.docx&wdOrigin=BROWSELINK) (accessed: February 28, 2026).

[11] Digital profile of a citizen: what is it and how is it useful for business // Infotex Internet Trust. URL: <https://iitrust.ru/articles/tsifrovoy-profil-grazhdanachto-eto-i-chem-on-polezen-biznesu> (date of access: 15.02.2026).

[12] Strategy – Big Data Association. // Big Data Association. URL: [https://rubda.ru/deyatelnost/strategiya/\(date of access: 15.02.2026\)](https://rubda.ru/deyatelnost/strategiya/(date%20of%20access%3A%2015.02.2026)).

[13] Russian Big Data and AI market: volume of 520 billion rubles by 2025. // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8195580>. (date of access: 15.02.2026).

[14] Tedeev A.A. Digital sovereignty of the individual: constitutional and legal foundations for its formation in the Russian Federation // Russian Justice. 2023. No. 4. Pp. 110–114.

[15] RF Government Resolution No. 710 of June 3, 2019, “On conducting an experiment to improve the quality and coherence of data contained in state information resources.” // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/72262102/> (accessed: February 20, 2026).

[16] Resolution of the Government of the Russian Federation of 10.07.2013 No. 584 «On the use of the federal state information system «Unified system of identification and authentication in the infrastructure providing information and technological interaction of information systems used to provide state and municipal services in electronic form.» // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/all/87908/> (date of access: 20.02.2026).

[17] Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.03.2023 No. 453 «On conducting an experiment to implement identification and authentication using the federal state information system «Unified system of identification and authentication in the infrastructure providing information and technological interaction of information systems used to provide state and municipal services in electronic form.» // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/all/133673/> (accessed: 20.02.2026).

[18] Order of the Government of the Russian Federation dated 04.07.2023 No. 1790-r «On approval of the List of information that owners of websites, and (or) website pages in the information and telecommunications network Internet, and (or) information systems...» // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/all/148513/> (accessed:

20.02.2026).

[19] The data economy in Russia: how business and the government are building digital transformation 13.01.2026. // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8335113> (accessed: 20.02.2026).

[20] Passport of the national project "Data Economy and Digital Transformation of the State". // Portal of government bodies of Stavropol Krai. URL: [https://stavregion.ru/\\_/cms\\_page\\_media/11373/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20Ekonomika%20dannyykh%20i%20tsifrovaya%20trans.gosud.pdf](https://stavregion.ru/_/cms_page_media/11373/Pasport%20natsionalnogo%20proekta%20Ekonomika%20dannyykh%20i%20tsifrovaya%20trans.gosud.pdf). (date of receipt (Accessed: 20.02.2026).

[21] Digital profile of an individual | Unified State Register of Personal Data. // Portal of public services of the Russian Federation. URL: [https://info.gosuslugi.ru/articles/Что\\_такое\\_Дислововой\\_пролич\\_фирического\\_лица/](https://info.gosuslugi.ru/articles/Что_такое_Дислововой_пролич_фирического_лица/) (date of access: 20.02.2026).

[22] Cjeu ruling in the matter of "SCHUFA" not

only affects credit scoring (C-634/21) // International Network of Privacy Law Professionals. URL: <https://inplp.com/pl/latest-news/article/cjeu-ruling-in-the-matter-of-schufa-not-only-affects-credit-scoring-c-63421/> (date of access: 17.03.2026).

[23] Russkevich E. A. Digital profile as a subject of crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen: issues of qualification. // Union of criminalists and criminologists. URL: <https://crimescience.ru/articles/Аленалитические-материалы-челов-Союз-67.html/> (date of access: 17.03.2026).

[24] Semchenkov I. P. Philosophy of law. The essence of subjective right: author's research / Igor Pavlovich Semchenkov - 2nd ed., with additions and amendments. - Kaliningrad: ООО «РА Полиграфич», 2025. - 176 p.

[25] Sukhanov E. A. Russian civil law: studies. in 2 vols. T. I. M.: Statut. 2011. P. 112.

[26] Kolesnikov O. P. Limits of subjective civil rights // Journal of Russian Law. 2007. No. 12. P. 39.



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, Е-Library.

**ЮРКОМПАНИ**  
*www.law-books.ru*

# ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.04.2026 г.  
Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-31-35

**МОИСЕЕВА Наталья Артемовна,**  
студентка 2 курса магистратуры  
факультета Юриспруденция,  
Российская государственная академия  
интеллектуальной собственности,  
e-mail: n.moiseeva23@yandex.ru

## ПРАВО НА ИДЕЮ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Аннотация.** В статье анализируется проблема правовой охраны идей в современной российской правовой системе. Рассматриваются основные противоречия между потребностью в защите творческих замыслов и принципом свободы мысли, закрепленным в законодательстве об интеллектуальной собственности. Исследуются различные подходы к разграничению охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и неохранных идей. Анализируются судебная практика и позиции исследователей относительно возможных механизмов косвенной защиты идей. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования в условиях цифровизации и усложнения творческих процессов.

**Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, правовая охрана идей, авторское право, результат интеллектуальной деятельности, форма выражения, конфиденциальная информация, недобросовестная конкуренция.

**MOISEEVA Natalya Artemovna,**  
second-year master's student, Faculty of Law,  
Russian State Academy  
of Intellectual Property

## THE RIGHT TO AN IDEA: PROBLEMS AND PROSPECTS

**Annotation.** The article analyzes the problem of legal protection of ideas in the modern Russian legal system. The main contradictions between the need to protect creative concepts and the principle of freedom of thought enshrined in intellectual property legislation are examined. Various approaches to distinguishing between protected results of intellectual activity and unprotected ideas are investigated. Judicial practice and researchers' positions regarding possible mechanisms of indirect protection of ideas are analyzed. Directions for improving legal regulation in the context of digitalization and increasing complexity of creative processes are proposed.

**Key words:** intellectual property, legal protection of ideas, copyright, result of intellectual activity, form of expression, confidential information, unfair competition

### Дихотомия идеи и формы в российском правовом поле

Российское законодательство об интеллектуальной собственности исходит из базового принципа: идеи не охраняются, охране подлежит лишь форма их выражения. Пункт 5 статьи 1259 Гражданского кодекса РФ прямо устанавливает, что авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования. Казалось бы, здесь всё предельно ясно.

Однако правоприменительная практика последних лет демонстрирует иное. По данным Ро-

спатента, в 2023–2024 годах количество споров, связанных с разграничением идеи и формы её воплощения, выросло на 37% по сравнению с 2021–2022 годами. Причем значительная часть конфликтов возникает в сфере цифрового контента, стартап-индустрии, рекламных концепций – там, где граница между замыслом и его реализацией размыта технологически и концептуально.

Корнеев В.А., проанализировавший 184 судебных решений арбитражных судов за 2022–2025 годы, выявил устойчивую тенденцию: суды нередко отказывают в защите даже детально проработанным творческим проектам, квалифицируя их как «совокупность идей» [3]. При этом ни законодатель, ни высшие судебные инстанции

не выработали четких критериев, позволяющих однозначно разграничить охраняемую форму и не охраняемую идею в сложных, многоуровневых творческих продуктах.

Парадокс ситуации в том, что само понятие «идея» в юридическом смысле остается неопределенным. Философия, психология, лингвистика трактуют идею по-разному; право же оперирует этим термином без легального определения, что порождает неустрашимую неопределенность. Один и тот же объект – например, концепция телевизионного формата – может быть квалифицирован и как не охраняемая идея, и как охраняемое произведение в зависимости от степени детализации сценария, наличия уникальных элементов, творческого своеобразия режиссерского решения.

### **Экономическая цена правовой неопределенности**

Отсутствие правовой охраны идей создает серьезные экономические риски для субъектов креативных индустрий. Согласно исследованию Высшей школы экономики, проведенному в 2024 году на выборке из 340 российских IT-компаний и рекламных агентств, 62% респондентов указали на случаи заимствования их творческих концепций конкурентами без возможности эффективной правовой защиты [5].

Особенно уязвимы стартапы на ранних стадиях. Предприниматель приходит к инвестору с бизнес-идеей, детально её презентует, но соглашение не заключается. Спустя несколько месяцев идея реализуется другой командой – нередко при участии того же инвестора. Формально права автора не нарушены: идея не охраняется, конкретного произведения ещё не существовало, договор о конфиденциальности не подписывался. Практика показывает, что даже подписание NDA не гарантирует защиту: доказать факт использования именно вашей идеи, а не самостоятельно разработанной концепции, крайне сложно.

Ситуация усугубляется в digital-среде. Блогер разрабатывает уникальный формат видеоконтента, алгоритм взаимодействия с аудиторией, систему рубрик – всё это может быть скопировано конкурентами без каких-либо правовых последствий. Юридически здесь нет нарушения: каждое конкретное видео защищено авторским правом, но общая концепция канала, его «идеология» остается вне правового поля.

Щербак Н.В. и Михайлова К.С., исследовавшие практику защиты творческих концепций в рекламной индустрии, установили: из 89 случаев предполагаемого заимствования рекламных идей, рассмотренных судами в 2023–2025 годах, истцам удалось добиться положительного решения лишь в 11 случаях [6]. В остальных суды квалифицировали спорные объекты как идеи либо как результат независимого творчества ответчика.

Здесь, впрочем, возникает принципиальный вопрос: а должна ли вообще идея охраняться? Не приведет ли такая охрана к монополизации мысли, ограничению свободы творчества, торможению культурного развития?

### **Аргументы против охраны идей: свобода творчества как ценность**

Традиционное обоснование не охраняемости идей строится на нескольких фундаментальных аргументах.

Во-первых, идея – это продукт мыслительной деятельности, который не может быть монополизирован без риска ограничения свободы мысли и слова. Если предоставить правовую охрану абстрактным замыслам, мы получим ситуацию, когда один субъект может запретить другим мыслить в определенном направлении или разрабатывать схожие концепции. Это противоречит конституционному принципу свободы творчества, закрепленному в статье 44 Конституции РФ.

Во-вторых, идеи часто возникают независимо у разных людей – феномен, хорошо известный в истории науки и искусства. Калинина А.Е., проанализировавшая патентную статистику за 2020–2024 годы, обнаружила, что примерно 23% заявок на изобретения имеют аналоги, поданные в том же году другими заявителями [2]. Если бы охранялась идея изобретения, а не конкретное техническое решение, определить первенство было бы невозможно, а правовые конфликты стали бы массовыми.

В-третьих, существует проблема доказывания. Как установить момент возникновения идеи? Как доказать её заимствование? Мысль материализуется постепенно; один человек может высказать смутную догадку, другой – развить её до работоспособной концепции. Кто является автором идеи в этом случае?

Наконец, охрана идей создала бы серьезные препятствия для кумулятивного творчества. Любое новое произведение строится на идеях предшественников. Если эти идеи охранялись бы, творец был бы вынужден получать разрешения и выплачивать вознаграждения неопределенному кругу лиц, что практически парализовало бы творческий процесс.

Эти аргументы убедительны. Однако они не снимают практической проблемы: как защитить автора детально проработанной концепции от её присвоения недобросовестными конкурентами?

### **Косвенные механизмы защиты: существующие и потенциальные**

Российская правовая система, не предоставляя прямой охраны идеям, содержит ряд косвенных механизмов их защиты – правда, применение этих механизмов на практике сталкивается с серьезными трудностями.

Первый механизм – институт коммерческой тайны. Согласно Федеральному закону от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», ин-

формация, составляющая коммерческую тайну, подлежит правовой защите, если обладатель информации принял меры к охране её конфиденциальности. Теоретически творческая идея может быть защищена таким способом, если она не раскрывается публично и в отношении неё установлен режим коммерческой тайны.

Проблема здесь в следующем: для реализации большинства творческих и бизнес-идей требуется их раскрытие перед потенциальными партнерами, инвесторами, заказчиками. После раскрытия – даже ограниченному кругу лиц – доказать, что именно ваша информация стала источником для реализованного конкурентами проекта, практически невозможно. Получатель информации может заявить, что разработал концепцию самостоятельно, и опровергнуть это крайне сложно.

Второй механизм – положения о недобросовестной конкуренции. Статья 14.6 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» запрещает приобретение и использование исключительного права на средства индивидуализации или результаты интеллектуальной деятельности, если это противоречит требованиям добросовестности. Теоретически заимствование детально проработанной творческой концепции может быть квалифицировано как недобросовестная конкуренция.

Беда в том, что для применения этой нормы необходимо доказать: наличие конкурентных отношений между сторонами; факт заимствования; недобросовестность поведения ответчика; причинение убытков. Совокупность этих условий доказать удается редко. Из проанализированных Зайцевой И.П. 43 судебных дел 2023–2025 годов, где истцы ссылались на недобросовестную конкуренцию в связи с заимствованием идей, иски удовлетворены лишь в 6 случаях [1].

Третий, менее очевидный механизм – договорные конструкции. Стороны могут заключить договор о совместной деятельности по разработке и реализации идеи, предусмотрев в нём условия о конфиденциальности, распределении прав на будущие результаты, неустойку за нарушение обязательств. Такой подход позволяет закрепить права на стадии, когда объект ещё не приобрел форму охраняемого результата интеллектуальной деятельности.

Впрочем, это справедливо не для всех случаев. Договорная защита предполагает добровольное согласие другой стороны на принятие обязательств. Если потенциальный партнер отказывается подписывать соглашение о конфиденциальности – а такое происходит часто, – автор идеи оказывается перед выбором: либо отказаться от сотрудничества, либо раскрыть идею без гарант защиты.

### **Зарубежный опыт и возможность его адаптации**

Интересно, что законодательство некоторых

зарубежных юрисдикций предусматривает определенную защиту идей при соблюдении специфических условий.

В США сложилась доктрина *implied-in-fact contract* – подразумеваемого договора. Если автор идеи раскрывает её другому лицу при обстоятельствах, свидетельствующих об ожидании конфиденциальности и вознаграждения, суды могут признать наличие договорных отношений, даже если письменное соглашение не заключалось. Конечно, и здесь доказывание сопряжено с трудностями, но сама возможность защиты на основе подразумеваемого договора существенно меняет расклад сил.

Германская судебная практика выработала концепцию «конкретизированной идеи» (*konkretisierte Idee*). Если идея достигла такой степени детализации, что её реализация не требует существенного творческого вклада, она может получить временную защиту при условии, что раскрывалась в конфиденциальной обстановке. Речь, по сути, идет о промежуточной категории между неохраняемой абстрактной идеей и охраняемым результатом интеллектуальной деятельности.

Французское право допускает возможность защиты идеи в рамках института «паразитизма» (*parasitisme*) – формы недобросовестной конкуренции, связанной с неправомерным использованием чужих усилий и инвестиций. Если автор существенно потратился на разработку концепции, а конкурент воспользовался её плодами без соответствующих затрат, это может быть квалифицировано как паразитическое поведение, влекущее ответственность.

Григорьева О.В., исследовавшая возможности применения зарубежного опыта в российских условиях, приходит к выводу: заимствование отдельных элементов возможно, но требует тщательной адаптации к отечественной правовой системе [4]. Введение концепции подразумеваемого договора противоречило бы базовому принципу российского гражданского права о необходимости ясного волеизъявления сторон. Категория «конкретизированной идеи» могла бы быть воспринята российским правом, но потребовала бы законодательного закрепления четких критериев достаточной конкретизации.

Есть ещё один важный момент. В 2025 году несколько российских IT-компаний выступили с инициативой создания добровольного реестра творческих идей – платформы, где авторы могли бы депонировать описание своих концепций с фиксацией даты и содержания. Такой реестр не создавал бы исключительных прав, но обеспечивал бы доказательственную базу для потенциальных споров. Инициатива пока не получила законодательной поддержки, однако демонстрирует запрос практики на новые механизмы фиксации приоритета.

## **Цифровизация как фактор изменения проблематики**

Развитие цифровых технологий радикально меняет ландшафт проблемы. С одной стороны, технологии блокчейн потенциально позволяют надежно фиксировать момент создания и содержание идеи, обеспечивая неизменяемое доказательство приоритета. С другой стороны, искусственный интеллект порождает новые вопросы: может ли идея, сгенерированная алгоритмом на основе заданных параметров, охраняться? Кто является её автором?

В 2024 году Роспатент зафиксировал первые случаи регистрации программ для ЭВМ, где значительная часть кода была создана генеративными нейросетями. Правовой статус таких объектов остается неясным: если творческий вклад человека минимален, можно ли говорить об авторстве? А если авторство признается, то защищается ли лишь конкретный код или также общая архитектура решения, алгоритмическая идея?

Парадоксально, но развитие ИИ может сделать идеи более ценными, чем форму их выражения. Если генерация текста, кода, изображений автоматизирована, основную ценность приобретает замысел, концепция, которую машина воплощает. Однако право пока движется в противоположном направлении: охраняется форма, генерируемая ИИ сомнительна в плане авторства, а идея – как и прежде – вне охраны.

Есть мнение, что решением могло бы стать введение особого режима для цифровых творческих концепций – нечто среднее между патентом на изобретение и авторским правом. Такой режим предполагал бы регистрацию детально описанной идеи с предоставлением временной охраны (например, на 3–5 лет) при условии последующей реализации. Если идея не воплощается в течение определенного срока, охрана прекращается, чтобы не блокировать развитие отрасли.

Идея рациональная, но реализация её столкнется с серьезными препятствиями. Кто будет проводить экспертизу заявок? По каким критериям определять достаточную степень детализации? Как быть с независимо возникшими аналогичными идеями? Опыт патентной системы показывает, что даже в отношении технических решений, где критерии новизны относительно объективны, споры о приоритете массовы. Для идей, особенно в творческой сфере, выработать объективные критерии ещё сложнее.

### **Поиск баланса: возможные направления совершенствования**

Полный отказ от охраны идей, по всей видимости, сохранится как базовый принцип российского права интеллектуальной собственности – слишком весомы аргументы в его пользу. Однако система может и должна быть дополнена механизмами, снижающими риски недобросовестного использования детально проработанных концепций.

Первое направление – уточнение критериев разграничения идеи и формы на уровне разъяснений высших судебных инстанций. Пленум Верховного Суда РФ мог бы сформулировать правовые позиции относительно того, при какой степени детализации и оригинальности концепция перестает быть «просто идеей» и становится охраняемым произведением. Речь не о жестких формальных критериях – такие невозможны, – а о принципиальных подходах, снижающих правовую неопределенность.

Второе направление – развитие института недобросовестной конкуренции применительно к творческим концепциям. Антимонопольное законодательство могло бы предусмотреть специальные составы, связанные с заимствованием идей, раскрытых при переговорах. Германский опыт с концепцией «конкретизированной идеи» здесь полезен: если сторона получила детальную концепцию в ходе деловых переговоров и затем реализовала её без согласия автора, это может квалифицироваться как недобросовестное поведение независимо от наличия формальных нарушений прав интеллектуальной собственности.

Третье направление – стимулирование использования договорных механизмов. Государство могло бы разработать типовые формы соглашений о конфиденциальности для различных сфер – инвестиционной деятельности, производства медиаконтента, разработки рекламных концепций. Наличие простого, понятного и сбалансированного типового договора повысило бы вероятность его использования участниками рынка.

Четвертое направление – создание отраслевых систем депонирования идей. Профессиональные ассоциации сценаристов, дизайнеров, архитекторов могли бы создать реестры, куда участники рынка добровольно помещали бы описания своих концепций. Сам факт депонирования не создавал бы исключительных прав, но служил бы доказательством приоритета при возникновении споров. Технология блокчейн обеспечила бы надежность и неизменяемость таких записей.

Наконец, пятое направление – образовательное. Значительная часть конфликтов возникает из-за правовой неграмотности: авторы не понимают, что их идея не защищена, и раскрывают её без предосторожностей; получатели не осознают этических границ использования чужих концепций. Повышение правовой грамотности участников креативных индустрий снизило бы остроту проблемы.

### **Заключение**

Проблема правовой охраны идей не имеет простого решения. Любая попытка предоставить идеям прямую правовую защиту сталкивается с неразрешимыми противоречиями: необходимостью сохранения свободы творчества, сложностью доказывания приоритета и заимствования,

риском монополизации абстрактных концепций.

Вместе с тем действующая модель, основанная на полном отказе от охраны идей, создает серьезные риски для авторов детально проработанных творческих и бизнес-концепций, стимулирует недобросовестное поведение, снижает мотивацию к инвестициям в разработку инновационных замыслов.

Оптимальный путь – не радикальное изменение базового принципа, а развитие косвенных механизмов защиты: уточнение критериев разграничения идеи и формы, расширение применения норм о недобросовестной конкуренции, стимулирование договорных практик, создание систем добровольного депонирования концепций. Такой подход позволил бы сохранить баланс между свободой творчества и защитой интересов авторов, не создавая монополии на мысль, но предотвращая паразитическое использование чужих творческих усилий.

Развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта делает эту проблему ещё более актуальной. В перспективе может потребоваться создание специальных правовых режимов для цифровых творческих концепций, но это задача будущего. Сейчас важно использовать существующий инструментарий более эффективно, снижая правовую неопределенность и повышая предсказуемость судебной практики.

#### Список литературы:

[1] Зайцева И.П. Недобросовестная конкуренция в сфере интеллектуальной собственности: проблемы правоприменения // Конкурентное право. 2024. № 3. С. 15–22.

[2] Калинина А.Е. Феномен одновременных изобретений в патентной статистике России // Вопросы изобретательства. 2025. Т. 12. № 1. С. 34–48.

[3] Корнеев В.А. Разграничение идеи и формы

в судебной практике по делам об интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 2 (48). С. 78–94.

[4] Григорьева О.В. Зарубежный опыт правовой охраны творческих концепций: возможности применения в России // Законодательство и экономика. 2024. № 7. С. 41–53.

[5] Исследование правовых проблем креативных индустрий: аналитический доклад / НИУ ВШЭ; под ред. Д.А. Петрова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 156 с.

[6] Щербак Н.В., Михайлова К.С. Защита рекламных концепций: анализ судебной практики 2023–2025 гг. // Реклама и право. 2025. № 4. С. 22–31.

#### References:

[1] Zaitseva I.P. Unfair Competition in the Sphere of Intellectual Property: Problems of Law Enforcement // Competition Law. 2024. No. 3. pp. 15–22.


[2] Kalinina A.E. The Phenomenon of Simultaneous Inventions in Russian Patent Statistics // Issues of Invention. 2025. Vol. 12. No. 1. pp. 34–48.

[3] Korneev V.A. Distinction between Idea and Form in Judicial Practice in Intellectual Property Cases // Journal of the Intellectual Property Court. 2025. No. 2 (48). pp. 78–94.

[4] Grigorieva O.V. Foreign Experience in Legal Protection of Creative Concepts: Possibilities of Application in Russia // Legislation and Economics. 2024. No. 7. pp. 41–53.

[5] A Study of Legal Problems in Creative Industries: Analytical Report / HSE University; edited by D.A. Petrov. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2024. 156 p.

[6] Shcherbak N.V., Mikhailova K.S. Protection of Advertising Concepts: Analysis of Judicial Practice from 2023–2025 // Advertising and Law. 2025. No. 4. pp. 22–31.



Юрическое издательство «ЮРКОМПАНИ»  
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

**ЮРКОМПАНИ**  
[www.law-books.ru](http://www.law-books.ru)

**КРЮКОВ Семён Александрович,**  
магистрант Юридического института имени М.М. Сперанского  
Владимирского государственного университета  
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,  
г. Владимир,  
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:  
**ПЕТРОВА Ирина Леонидовна,**  
кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры «Теория и история государства и права»  
Юридического института имени М.М. Сперанского  
Владимирского государственного университета  
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,  
г. Владимир,  
e-mail: mail@law-books.ru

## ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР, КАК КАТАЛИЗАТОР ДИНАМИЗМА В ПРАВЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Аннотация.** Современный этап развития российской правовой системы характеризуется как отличающийся одновременным воздействием, но имеющих разные направления векторов. Данный вектор коренным образом видоизменяет не только содержание правовых норм, но и подвергает трансформации саму методологию их формирования и реализации. Технологическая трансформация оказывает существенное давление на право. Цифровая среда, перестала быть просто вспомогательным инструментом для человеческой деятельности. Она превратилась в самостоятельную сферу, наделённую собственной архитектурой, логикой и социальными связями. Описанные факторы породили оживлённую дискуссию о возникновении феномена цифрового права как новой юридической реальности.

**Ключевые слова:** технологии, цифровое право, динамизм права, цифровизация, искусственный интеллект, трансформация, пробелы, законодательство Российской Федерации.

**KRYUKOV Semyon Aleksandrovich,**  
Master's student at the M.M. Speransky Law Institute  
of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich  
and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir

Academic Supervisor:  
**PETROVA Irina Leonidovna,**  
Candidate of Law, Associate Professor,  
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law  
at the M.M. Speransky Law Institute of Vladimir State University  
named after Alexander Grigorievich  
and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir

## TECHNOLOGICAL FACTOR AS A CATALYST FOR DYNAMISM IN LAW IN MODERN RUSSIA

**Annotation.** The current stage of development of the Russian legal system is characterized by the simultaneous influence of vectors moving in different directions. This vector fundamentally alters not only the content of legal norms but also transforms the very methodology of their formation and implementation. Technological transformation is exerting significant pressure on the law. The digital environment has ceased to be simply an auxiliary tool for human activity. It has become an independent sphere, endowed with its own architecture, logic, and social connections. These factors have sparked a lively debate about the emergence of digital law as a new legal reality.

**Key words:** *technologies, digital law, legal dynamism, digitalization, artificial intelligence, transformation, gaps, legislation of the Russian Federation.*

В условиях динамизма и подвижности современного общества право и государство развиваются непрерывно. Однако, как справедливо отмечается в отечественной литературе, в учебниках по теории государства и права, проблемы происхождения права в обществах традиционного типа обычно не рассматриваются, а сам динамизм права не всегда получает необходимое и заслуженное системное теоретическое осмысление. Между тем современная правотворческая деятельность отличается высокой степенью динамизма, что выражается в необходимости своевременно и оперативно реагировать на изменяющиеся общественные отношения, осваивать прогрессивные цифровые технологии и учитывать политические, экономические, социальные и иные факторы. Центральной проблемой становится уже не эффективность отдельных институтов или норм. На первое место выходит способность и умение всей правовой материи к самообновлению при обязательном сохранении своей целостности и стабильному выполнению возложенной на неё регулятивной миссии.

Цифровая среда перестала быть просто вспомогательным инструментом для человеческой деятельности. Она превратилась в самостоятельную сферу, наделённую собственной архитектурой, логикой и социальными связями. Описанные факторы породили оживлённую дискуссию о возникновении феномена цифрового права как новой юридической реальности. Глубокий анализ современной доктрины показывает, что единого мнения о его природе пока не сложилось. Часть исследователей, в частности представители позитивистского направления, склонны рассматривать цифровое право в узком смысле. В данном случае речь идёт о совокупности норм, регулирующих отношения, связанные с использованием цифровых технологий. В особенности это касается процессов, связанных с оборотом цифровых финансовых активов.

Ярким индикатором описываемых глубинных изменений является эволюция представлений о таких фундаментальных уголовно-правовых категориях, как объект и предмет преступления. Если ранее предмет преступления в юридической науке почти исключительно ассоциировался с материальной вещью, то во время развития цифровых отношений новые веяния заставляют серьезно пересмотреть классический подход. Сегодня в правовой доктрине, как показывают исследования А.Н. Фролова [1], все чаще признается, что предметом преступления могут выступать не только материальные объекты, но и нематериальные явления, включая различного рода информацию. Действующее уголовное законодательство содержит целый ряд статей, где в качестве предмета выступают различного рода

сведения. В данном случае речь идёт о тайне переписки, коммерческой или банковской тайне, компьютерной информации. В данном случае мы можем говорить о том, что законодатель постепенно, хотя и без видимого системного подхода, признает информацию и виртуальные активы в качестве самостоятельных ценностей, которые нуждаются в уголовно-правовой охране. В то же время дискуссионным остается вопрос о природе виртуальных предметов. Мы говорим об атрибутах компьютерных игр, криптовалюте, так называемых цифровых правах. Основной вопрос заключается в том, имеют ли они стоимостное выражение и могут ли быть признаны имуществом в классическом понимании? Судебная практика в этом вопросе крайне в настоящее время неоднозначна. Это указывает на отсутствие единой четкой законодательной концепции и по итогу порождает правовую неопределенность.

Указанные пробелы напрямую связаны с ранее упомянутым в работе хроническим отставанием регулятивного законодательства от темпов технологического развития. Мы считаем, что в идеале уголовное право должно запрещать лишь то, что уже запрещено в других отраслях, создавая своего рода второй эшелон защиты. Но в сфере цифровой экономики мы часто наблюдаем обратную картину. Сформировавшиеся новые общественные отношения уже существуют и активно развиваются, а их правовой режим до сих пор не определен. Пример с криптовалютой является хрестоматийным. Только в 2026 году начались процессы по урегулированию данной сферы на законодательном уровне. Долгое время в отсутствие федерального закона, определявшего её правовой статус, суды были вынуждены самостоятельно квалифицировать её то как «иное имущество», включаемое в конкурсную массу при банкротстве, то отказывали в защите. При этом они ссылались на то, что операции с «виртуальной валютой» осуществлялись на страх и риск пользователей, поскольку пребывали вне рамок правового поля. Такая ситуация, по справедливому замечанию С.А. Зубкова [2], создавала вполне реальные и серьезные трудности для правоприменителя. При этом, она порождала в обществе ощущение правовой незащищенности и невозможности отстаивать свои интересы в случае их нарушения. Это подрывало доверие к праву как к эффективному инструменту разрешения конфликтов и стимулировало поиск заинтересованными лицами альтернативных способов защиты, которые не всегда находились в законной плоскости. На текущий момент в соответствии с действующим российским законодательством, криптовалюта признается легальным имуществом, однако, при этом она не может использоваться в качестве средства платежа. Правовой



режим криптовалютных операций регулируется Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» № 259-ФЗ [3], а также поправками, принятыми в период 2024–2026 годов. Согласно указанным нормативным актам, майнинг является разрешенным видом деятельности при условии регистрации в налоговых органах. Владение криптовалютой и совершение гражданско-правовых сделок с ней не являются запрещенными. В то же самое время, оплата товаров, работ или услуг с использованием криптовалюты прямо запрещена. Законодателем наряду с этим введен запрет на рекламу криптовалютных услуг, он требует обеспечения прозрачности соответствующих операций и обязательной уплаты налогов.

Подводя итог, можно констатировать, что на данном этапе современное российское право переживает стадию глубокой и многогранной трансформации. Эта трансформация носит двойственный, а в чем-то и парадоксальный характер. С одной стороны, она заключается в необходимости защитить национальный правовой суверенитет и ценностную целостность правовой системы от внешнего политического и идеологического давления. В данном случае необходима опора на традиционные устои и национальную правовую культуру. С другой стороны, необходима беспрецедентная гибкость и инновационность. Это необходимо в целях своевременного охвата регулированием новых цифровых реалий, которые по своей сути являются трансграничными. Эффективность права в описанных условиях определяется не количеством принятых законов. Мы считаем, что в данном случае во главу угла ставится способность права обеспечить хрупкий баланс между динамизмом технологического развития и стабильностью правопорядка. Нельзя забывать и о том, что необходимо найти золотую середину между глобальной унификацией и национальной идентичностью. Помимо этого, важно обеспечить баланс между технической эффективностью искусственного интеллекта и ценностью челове-

ского правосудия, которое выражено в началах справедливости и гуманизма.

#### Список литературы:

- [1] Фролов А. Н. Факторы, влияющие на трансформацию правосознания в современной России / А. Н. Фролов // Вестник ВГУ. – 2019. – № 2. – С. 26–37.
- [2] Зубков С. А. Этические аспекты применения искусственного интеллекта адвокатами / С. А. Зубков // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2025. – № 6. – С. 24–29.
- [3] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_358753/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/) (дата обращения 03.05.2026).
- [4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/) (дата обращения 03.05.2026).

#### References:

- [1] Frolov A. N. Factors influencing the transformation of legal consciousness in modern Russia / A. N. Frolov // Bulletin of VSU. - 2019. - No. 2. - P. 26-37.
- [2] Zubkov S. A. Ethical aspects of the use of artificial intelligence by lawyers / S. A. Zubkov // Bulletin of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. - 2025. - No. 6. - P. 24-29.
- [3] Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated July 31, 2020 N 259-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_358753/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/) (date of access 05/03/2026).
- [4] Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/) (date of access 05/03/2026).



# ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.  
Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-39-42

**СИНЁВ Иван Ильич,**  
аспирант Российского государственного  
университета правосудия им. В.М. Лебедева,  
e-mail: ivansinev2000@gmail.com

## ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ДОКАЗЫВАНИЯ

**Аннотация.** Статья посвящена изучению актуальных проблем профилактики совершения преступлений, связанных с цифровым насилием, а также изучению вопросов доказывания при привлечении уголовной ответственности за совершение преступлений, совершенных в киберпространстве. Цифровое насилие занимает значительное место среди всех преступлений, наиболее распространёнными способами цифрового насилия в настоящее время являются кибербуллинг, хаккерские атаки, фишинговые операции, а также демонстрация актов физического и сексуального насилия с использованием сети Интернет. Истязания, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей Интернет относятся к цифровому насилию и являются одной из разновидностей кибербуллинга в современном обществе, использование цифровых технологий в данном случае является способом совершения преступления, указанный квалифицирующий признак отягчает вину лица, совершающего истязание, более того, в результате использования данного способа совершения истязания, информация об акте насилия становится общедоступной. В связи с этим, возникает риск негативного влияния на психику лиц, просматривающих данные материалы, наиболее высокому риску подвержены несовершеннолетние.

**Ключевые слова:** истязание, насильственные действия сексуального характера, развратные действия, использование сети Интернет, цифровое насилие, фишинговые операции, кибербуллинг, несовершеннолетние, проблемы доказывания, профилактика преступлений.

**SINEV Ivan Ilyich,**  
Postgraduate Student at the V.M. Lebedev  
Russian State University of Justice

## DIGITAL VIOLENCE: PROBLEMS OF PREVENTION AND EVIDENCE

**Annotation.** The article is devoted to the study of current problems of preventing the commission of crimes related to digital violence, as well as the study of evidence issues in bringing criminal responsibility for crimes committed in cyberspace. Digital violence occupies a significant place among all crimes, the most widespread methods of digital violence are currently cyberbullying, hacker attacks, phishing operations, as well as the demonstration of acts of physical and sexual violence using the Internet. Torture committed using Internet information and telecommunication networks refers to digital violence and is one of the types of cyberbullying in modern society, the use of digital technologies in this case is a method of committing a crime, the specified qualifying feature aggravates the guilt of the person committing the torture, moreover, as a result of using this method of committing torture, information about the act violence becomes publicly available. In this regard, there is a risk of a negative impact on the psyche of people viewing these materials, minors are at the highest risk.

**Key words:** torture, sexual violence, indecent assault, Internet use, digital violence, phishing operations, cyberbullying, minors, problems of proof, crime prevention.

Развитие информационных технологий является закономерным процессом современного общества, интернет в последнее время предоставил человеку безграничные возможности в области передачи, распространения и рассылки информации, позволил выполнять большое количество финансово-банковских операций, однако, несмотря на все положительные аспекты, связанные с развитием информационных технологий, современные процессы цифро-

визации способны оказать негативное влияние на развитие общества и государства, не редко цифровые технологии облегчают совершение таких преступлений как: «мошенничество» (ст. 159 УК РФ), «мошенничество с использованием электронных средств платежа» (ст. 159.3), данные преступления характеризуются именно психологическим насилием в отношении потерпевшего, в силу обмана, манипуляции и запугивания чаще всего происходит хищение денежных средств с банковских счетов; «развратные действия в отношении несовершеннолетних» (ст. 135 УК РФ), «насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних» (ст. 132 УК РФ); «нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений» (ст. 138 УК РФ); «нарушение неприкосновенности частной жизни» (ст. 137 УК РФ); «использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» (ст. 242 УК РФ); «клевета» (ст. 128 УК РФ); истязание с использованием сети Интернет (п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ); доведение до самоубийства с использованием сети Интернет (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства с использованием сети Интернет (п. «д» ч. 2 ст. 110.1 УК РФ) и других преступлений [7, с. 165].

Наиболее уязвимыми в информационном пространстве являются несовершеннолетние, поскольку в силу своих психологических особенностей, они зачастую не способны противостоять негативному информационному давлению, которое пагубно отражается на неокрепшей психике подростка. [3, с. 105-141].

Следует отметить, что перечислены лишь основные виды цифрового насилия, к цифровому насилию с точки зрения проблем современности следует также отнести «истязания, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей Интернет», данное преступление, регламентировано п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ, оно отличается повышенной общественной опасностью, поскольку, информация об акте насилия становится общедоступной. В данном случае при квалификации преступления решающую роль играет признак публичности, при совершении истязания, виновный осознаёт, что совершает преступление публично, публичность может выражаться при помощи демонстрации видеоматериалов в сети интернет и в иных социальных сетях, данное преступление отличается наибольшей общественной опасностью, поскольку совершается с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации, поскольку посягает не только на жизнь и здоровье, но и свободу, честь и достоинство конкретных лиц, а также общественную безопасность и общественный порядок, совершение данных преступлений способствует нездоровому психическому восприятию происходящего у лиц, просматривающих матери-

алы с публичным совершением истязания, более того, данные материалы становятся доступными для неопределенного круга лиц, среди которых могут быть и несовершеннолетние, которые могут воспринять данное поведение как устоявшуюся норму, в виду не сформировавшейся психики, что способно привести к совершению новых преступлений и вызвать психологическую травму [4, с. 85-98]. В связи с этим, возникает риск негативного влияния на психику лиц, просматривающих данные материалы, наиболее высокому риску подвержены несовершеннолетние.

В связи с этим, возникает риск негативного влияния на психику лиц, просматривающих данные материалы, наиболее высокому риску подвержены несовершеннолетние, особенно, когда в сети Интернет распространяется информация порнографического характера [8, с. 429].

Одной из наиболее распространенных проблем, связанной с цифровым насилием, является склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, преступление, предусмотренное п. «д» ч. 2 ст. 110.1 УК РФ. В данном случае, указанное деяние отличается наибольшей общественной опасностью, в виду того, что призывы к совершению или содействию к совершению самоубийства носят публичный характер, в силу того, что указанная информация становится общедоступной, прослеживается некая негативная тенденция, вызывающая нездоровые интересы в обществе, а также привитие нравов, противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности [5, с. 45-50].

Совершение сексуального насилия в отношении несовершеннолетних с использованием сети Интернет является одной из самых глобальных проблем современного общества в виду того, что дистанционный способ совершения развратных действий и насильственных действий сексуального характера является наиболее опасным, поскольку охватывает неопределенный круг лиц, которые подвергаются сексуальному насилию, в связи с отсутствием в ст. 135 УК РФ квалифицирующего признака, связанного с совершением развратных действий, полагаю целесообразным дополнить редакцию ст. 135 УК РФ, путем конструирования соответствующего квалифицирующего признака, а именно: «совершение развратных действий с использованием сети Интернет», это позволит обеспечить наиболее эффективную защиту несовершеннолетних от сексуального насилия в киберпространстве. Использование несовершеннолетнего с целью изготовления порнографических материалов также является актуальной проблемой современного общества, нарушающей основные нравственные и культурные ценности, более того, использование цифровых сетей облегчает способ совершения данного преступления, путем размещения материалов на сайтах Интернет, данная проблема также требует комплексного подхода и оценки [6, с. 77-83].

Следует отметить, что по данным АНО «Центр по работе с проблемой насилия» около 60% людей, столкнувшихся с цифровым насилием, игнорируют его, но 40% пытаются ему противостоять, в основном отвечая обидчику или блокируя его [2, с. 77-84]. Одной из главных проблем, связанной с привлечением виновного к уголовной ответственности за совершение преступлений в рамках цифрового насилия является проблема доказывания, например, распространение информации о частной жизни лица без его согласия, сопровождающейся кибербуллинг и интернет-травлей, а также клеветой в отношении потерпевшего, распространение информации о способах совершения самоубийства и т.д., злоумышленники чаще всего используют поддельные IP-адреса и интернет-сайты, которые далеко не всегда получается распознать при расследовании преступления, то же самое касается и мошенничества с использованием электронных средств платежей, помимо поддельных серверов и адресов, злоумышленники часто звонят жертвам с поддельных номеров, которые не зарегистрированы в сети, вопрос о доказанности мошенничества и привлечении виновного к уголовной ответственности в данном случае, практически сводится к нулю. Вопрос, связанный с привлечением виновного к уголовной ответственности за совершение сексуально-насилия с использованием сети Интернет также остается актуальным в настоящее время [1, с. 3-13].

Обмен оперативной информацией регламентирован федеральным законодательством и ведомственными инструкциями. Правоохранительные органы способны вычислять злоумышленников по IP-адресам, при этом следует учесть, что формирование единой базы данных преступлений, совершенных в информационной среде, позволит своевременно реагировать на потенциально опасные ситуации. В методических рекомендациях МВД РФ целесообразно внести дополнительные пояснения, связанные с порядком расследования цифровых преступлений. Автоматизированные системы учета способствуют сокращению времени обработки запросов от социальных служб, несмотря на существующие механизмы, сохраняется проблема информационного взаимодействия, отсутствие унифицированных стандартов затрудняет анализ данных из разных источников.

Таким образом, действующие правовые механизмы профилактики цифрового насилия должны включать уголовно-правовые нормы, административные меры и специализированные программы защиты. В рамках цифрового насилия установлена уголовная ответственность за различные виды преступлений, совершенных в цифровом пространстве, что создаёт правовую основу для противодействия данному виду преступлений, однако, закрепление данных деяний в законодательстве в качестве преступлений не

обеспечивает надлежащую превентивную функцию, в законодательстве также следует предусмотреть введение защитных предписаний и ограничительных мер в отношении агрессоров, блокировка подозрительных каналов связи с целью предотвращения киберпреступлений, а также онлайн-мошенничества и распространение порнографических материалов несовершеннолетних, однако эффективность данных мер требует объективной оценки с учётом практики их применения, данные нововведения целесообразно закрепить в законодательстве РФ и в ведомственных актах правоохранительных органов.

#### Список литературы:

- [1] Алексеева Т. С. Интимные изображения человека как предмет нарушения неприкосновенности частной жизни // Уголовное право. 2023. № 4. С. 3–13.
- [2] Артюшина О. В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex russica. 2019. № 9. С. 77–84.
- [3] Делфино Р. А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 105–141.
- [4] Жмуров Д. В. Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 85–98.
- [5] Жмуров Д. В. Жертвы кибербуллинга: состояние проблемы // Российский следователь. 2023. № 1. С. 45–50.
- [6] Карпов К. Н. Квалификация вымогательства при угрозе распространения сведений о совершенном лицом правонарушении либо аморальном поступке // Современное право. 2018. № 5. С. 77–83.
- [7] Медведева А. С., Дозорцева Е. Г. Характеристики онлайн-груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 161–173.
- [8] Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М., 1997. Под редакцией А. М. К вопросу о понятии и формах криминального насилия над личностью // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4. С. 429–431.

#### References:

- [1] Alekseeva T. S. Intimate Images of a Person as a Subject of Violation of Privacy // Criminal Law. 2023. No. 4. pp. 3–13.
- [2] Artyushina O. V. Violent Crime and IT Technologies // Lex Russica. 2019. No. 9. pp. 77–84.
- [3] Delfino R. A. Pornographic Deepfakes: The Next Tragic Act of the Phenomenon and the Need to

Adopt a Criminal Law at the Federal Level // Actual Problems of Economics and Law. 2020. Vol. 14. No. 1. pp. 105–141.

[4] Zhmurov D. V. Cybervictimology of Extortion in the Digital Space // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2021. No. 2. pp. 85–98.

[5] Zhmurov D. V. Victims of Cyberbullying: The State of the Problem // Russian Investigator. 2023. No. 1. pp. 45–50.

[6] Karpov K. N. Qualification of Extortion under the Threat of Disseminating Information about an Offense or Immoral Act Committed by a Person //

Modern Law. 2018. No. 5. pp. 77–83.

[7] Medvedeva A. S., Dozortseva E. G. Characteristics of Online Grooming as a Type of Sexual Exploitation of Minors (Based on the Analysis of Online Correspondence between Adults and Children) // Psychology and Law. 2019. Vol. 9. No. 4. pp. 161–173.

[8] Violent Crime / edited by V. N. Kudryavtsev and A. V. Naumov. M., 1997. Podgayny A. M. On the issue of the concept and forms of criminal violence against an individual // “Black holes” in Russian legislation. 2006. No. 4. P. 429–431.



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

**ТОЛСТЫХ Илья Владимирович,**  
магистрант, 2 курс, кафедра гражданского и предпринимательского права,  
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,  
г. Новосибирск, Россия,  
e-mail: newilya-001@mail.ru

## ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ КИБЕРАТАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ

**Аннотация.** В статье рассматривается актуальный вопрос квалификации кибератак, в частности DDoS-атак, как обстоятельств непреодолимой силы в российском гражданском праве. Анализируется судебная практика, различные подходы к признанию кибератак исключительными обстоятельствами, а также сложности доказывания их чрезвычайности и непредотвратимости. Подчеркивается, что для признания атаки обстоятельством непреодолимой силы необходимо доказать ее исключительность и невозможность предотвращения, что связано с уровнем защиты информационных систем. В работе выделены критерии и сложности их применения, подчеркнута необходимость усиления роли кибербезопасности. В результате предлагается система подходов для дальнейшего развития нормативных и судебных механизмов, способствующих более четкому регулированию вопросов ответственности при киберинцидентах.

**Ключевые слова:** кибератака, непреодолимая сила, форс-мажор, цифровизация, гражданско-правовая ответственность, DDoS-атака.

**TOLSYKH Ilya Vladimirovich,**  
Master's student, second year, Department of Civil and Entrepreneurial Law,  
Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH»,  
Novosibirsk, Russia

## THE PROBLEM OF RECOGNIZING CYBER ATTACKS AS A FORCE MAJEURE

**Annotation.** The article discusses the current issue of qualifying cyber attacks, in particular DDoS attacks, as force majeure circumstances in Russian civil law. The article analyzes judicial practice, various approaches to recognizing cyber attacks as exceptional circumstances, as well as the complexity of proving their urgency and unavoidability. It is emphasized that in order to recognize an attack as a force majeure event, it is necessary to prove its exclusivity and impossibility of prevention, which is related to the level of protection of information systems. The paper highlights the criteria and difficulties of their application, and emphasizes the need to strengthen the role of cybersecurity. As a result, a system of approaches is proposed for the further development of regulatory and judicial mechanisms that contribute to a clearer regulation of liability issues in cyber incidents.

**Key words:** cyberattack, force majeure, digitalization, civil liability, DDoS attack.

В условиях стремительной цифровизации экономики и общества традиционные институты гражданского права сталкиваются с новыми вызовами. Одним из наиболее дискуссионных остаётся институт непреодолимой силы, который традиционно применялся для освобождения от ответственности при наступлении чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств. Однако с развитием цифровых технологий и ростом числа киберугроз вопрос о квалификации новых цифровых рисков как обстоятельств непреодолимой силы приобретает особую актуальность.

В российской правовой доктрине и судебной практике отсутствует единый подход к признанию кибератаки обстоятельствами, освобождающими

от ответственности. С одной стороны, цифровизация объективно расширяет спектр внешних воздействий на исполнение обязательств, с другой — требует переосмысления критериев чрезвычайности и непредотвратимости.

В последние годы киберугрозы перестали быть исключительными инцидентами и стали неотъемлемой частью рисков, с которыми сталкивается любой бизнес, независимо от его масштаба. Естественным следствием увеличения числа кибератак является рост числа правовых споров. Компании сталкиваются с проблемами доступности сервисов, нарушениями работы веб-сайтов, шифрованием данных и неисполнением договорных обязательств. В таких ситуациях контра-

генты могут требовать неустойку, в то время как пострадавшие организации пытаются избежать ответственности, ссылаясь на обстоятельства непреодолимой силы, в частности, на хакерские атаки.

Единого определения кибератаки пока не выработано [1]. Тем не менее, существуют нормативные документы, дающие свое толкование. В Федеральном законе № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» даётся определение понятию «компьютерная атака», смысл которого заключается в следующем – это преднамеренное воздействие программных или программно-аппаратных средств на информационный ресурс, целью которого является нарушение его работы, прекращение функционирования или создание угрозы безопасности информации [2]. В свою очередь, Приказ № 117 ФСБ России трактует атаку как угрозу безопасности информации, осуществляемую с помощью аппаратных, программно-аппаратных и/или программных средств, направленную на нарушение защищенности информации или создание условий для такого нарушения [3].

Исходя из этих определений, можно сформулировать общее понимание кибератаки как целенаправленного воздействия на систему с целью нарушения ее работоспособности или безопасности информации.

Верховный Суд еще в 2014 году установил, что технические сбои не являются обстоятельством непреодолимой силы [4]. Эта позиция, изначально касавшаяся ответственности банков перед потребителями, подчеркнула, что работа программного обеспечения относится к предпринимательской деятельности, а его сбои не считаются непреодолимой силой.

Суды чаще всего отказывают в признании кибератак обстоятельством непреодолимой силы, так как возможность атаки зависит от уровня защиты конкретного сервера. Ответственность за поддержание безопасности и предотвращение атак лежит на владельце сервера или лице, взявшем на себя такие обязательства по договору. При решении вопроса о признании кибератак непреодолимой силой в каждом случае важны два аспекта: чья зона ответственности включала защиту сервера, и была ли хакерская атака прямо указана как обстоятельство непреодолимой силы в договоре [5].

Одной из распространённых кибератак в настоящее время выступает DDoS-атака. DDoS-атака - (Distributed Denial of Service, «распределённый отказ в обслуживании») определяется как умышленные противоправные действия, совершаемые третьими лицами с целью нарушения нормального функционирования веб-ресурсов [6]. На сегодняшний день судебная практика по делам, касающимся DDoS-атак, находится в стадии формирования и не отличается обширно-

стью. Тем не менее, преобладающая тенденция в судебных решениях заключается в непризнании подобных атак в качестве обстоятельств непреодолимой силы.

Так, в деле А40-98900/22, истец обратился с требованием о взыскании с ответчика основного долга и неустойки, начисленной по условиям агентского договора. Ответчик в рамках возражений указал, что его информационная система баз данных компании подверглась хакерской атаке. В результате этого инцидента была утрачена значительная часть документации в электронном виде, доступ к личным кабинетам был заблокирован, что привело к полной остановке операционной деятельности организации. Ответчик подкрепил свои слова заключением независимой экспертной организации и фактом возбуждения уголовного дела правоохранительными органами. По мнению ответчика, данная ситуация являлась обстоятельством непреодолимой силы. Кроме того, ответчик разослал всем своим контрагентам информационное письмо, в котором обозначил предполагаемые сроки восстановления работоспособности системы. Однако суд при разрешении спора пришел к выводу о том, что технический сбой в работе программного обеспечения в результате хакерской атаки не может быть квалифицирован как обстоятельство непреодолимой силы. Суд обосновал это тем, что данный сбой не обладал признаками чрезвычайности и объективной непредотвратимости, поскольку функционирование информационной системы является неотъемлемой частью предпринимательской деятельности ответчика.

Однако, существует и противоположная судебная практика. В одном из дел ФКУ «Центр хозяйственного и сервисного обеспечения МВД по Республике Дагестан» требовало от ответчика уплаты штрафа по государственному контракту. Причиной иска стало то, что в январе 2022 года на некоторых автозаправочных станциях ответчика из-за сбоя программного обеспечения не отпускалось топливо. Апелляционный суд, отменив решение первой инстанции, признал хакерскую атаку на сервисы ответчика обстоятельством непреодолимой силы, освобождающим его от ответственности [7]. Суд установил, что сбой программного обеспечения и невозможность контроля лимитов топливных карт были вызваны массовой DDoS-атакой на онлайн-ресурс, обеспечивающий работу системы ответчика. Факт атаки, длившейся с 1 по 3 января 2022 года, был документально подтвержден, а также была зафиксирована деградация интернет-трафика и потеря доступа к серверу. Таким образом, суд пришел к выводу, что временная невозможность поставки топлива заказчику по топливным картам на некоторых АЗС была вызвана не виной ответчика, а обстоятельством непреодолимой силы, что исключает применение к нему штрафных санкций.

Таким образом, признание кибератаки обстоятельством непреодолимой силы требует доказательства ее исключительности и невозможности предотвращения. Однако это практически невыполнимо, поскольку уровень защиты серверов компании напрямую определяется ее собственными усилиями и инвестициями в кибербезопасность. Для обоснования квалификации кибератаки в качестве непреодолимой силы необходимы документальные подтверждения следующих аспектов:

1. Необходимо продемонстрировать, что методы, использованные при атаке, были настолько инновационны и непредсказуемы, что даже самые современные решения в области кибербезопасности не смогли бы их отразить. Это требует проведения дорогостоящих исследований, привлечения экспертов и детального анализа как защитных технологий, так и тактик злоумышленников, что на сегодняшний день является крайне трудоемким и затратным процессом.

2. В случае масштабных атак, затронувших множество системно значимых организаций (например, банки, государственные структуры), можно использовать официальные заявления и публикации в СМИ как доказательство реального наличия киберугрозы.

В нынешних условиях обеспечение технической безопасности является фундаментальным требованием. Согласно общепринятому принципу, ответственность лежит на стороне, которая имеет наибольшую близость к риску и наибольшие возможности для его минимизации. Следовательно, владелец сайта или сервера должен нести ответственность за любой ущерб, причиненный в результате хакерских атак.

#### Список литературы:

[1] Шинкарецкая Г.Г. Проблема выработки определения кибератаки // *Международное право*. 2023. № 2. С. 10-20.

[2] СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I) ст. 4736

[3] Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений, с использованием шифровальных (криптографических) средств: Приказ ФСБ России от 18 марта 2025 г. № 117

// Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).

[4] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 ноября 2014 г. N 5-КГ14-124 // Верховный суд РФ. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).

[5] Савельев А.И. *Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование*. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 638 с.

[6] Бегларян М.Е., Мамакаев Х.В. *Кибератаки и законодательство РФ // Право и практика*. 2017. № 2. С. 46-50.

[7] Постановление Шестнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 15 августа 2023 по делу № А15-1085/2022 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).

#### References:

[1] Shinkaretskaya G.G. The Problem of Developing a Definition of a Cyberattack // *International Law*. 2023. No. 2. pp. 10-20.

[2] Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I) Art. 4736

[3] On Approval of Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems, Other Information Systems of State Bodies, State Unitary Enterprises, and State Institutions, Using Encryption (Cryptographic) Means: Order of the FSB of Russia dated March 18, 2025 No. 117 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date accessed: 05.05.2026).

[4] Definition of the Civil Cases Judicial Panel of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 25, 2014, No. 5-KG14-124 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrfl.ru/> (date accessed: 05.05.2026).

[5] Savelyev, A.I. *Electronic Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation*. 2nd ed. Moscow: Statut, 2016. 638 p.

[6] Beglaryan, M.E., Mamakaev, H.V. *Cyberattacks and the Legislation of the Russian Federation // Law and Practice*. 2017. No. 2. pp. 46-50.

[7] Resolution of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated August 15, 2023 in case No. A15-1085/2022 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: 05.05.2026).



**СИМОНОВА Елена Константиновна**,  
студентка Юридической школы,  
Дальневосточный Федеральный Университет,  
e-mail: lenslk2004@gmail.com

Научный руководитель:  
**КВАСНИКОВА Татьяна Владимировна**,  
e-mail: mail@law-books.ru

## ДИПФЕЙК КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**Аннотация.** В последние годы технологии искусственного интеллекта и машинного обучения стремительно развиваются, что приводит к появлению новых возможностей и вызовов. Одним из наиболее обсуждаемых и противоречивых направлений в этой области является технология дипфейка.

Актуальность данной статьи обусловлена растущей угрозой, так как с каждым годом все больше случаев использования технологии дипфейка в контексте совершения преступлений, предусмотренных Уголовным Кодексом РФ.

В статье представлен вводный обзор технологии дипфейка, включая его принципы работы и основные алгоритмы, используемые для создания поддельного контента. Автор рассмотрены конкретные примеры преступлений, совершенных с использованием этой технологии, и проанализировал, как дипфейки могут быть использованы для мошенничества, клеветы, манипуляции общественным мнением, и других преступлений. Также в статье рассмотрена проблема правоприменения законодательства, связанного с дипфейками. Автор указал, какие трудности возникают у правоохранительных органов при расследовании преступлений, связанных с использованием этой технологии, и какие меры могут быть предприняты для улучшения ситуации.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, дипфейк, уголовное право, квалификация преступлений, мошенничество, клевета, преступления с помощью ИИ, способы совершения преступлений, нейросеть.

**SIMONOVA Elena Konstantinovna**,  
Law School student,  
Far Eastern Federal University

Academic Supervisor:  
**KVASNIKOVA Tatyana Vladimirovna**

## DEEFAKE AS A WAY TO COMMIT CRIMES

**Annotation.** In recent years, artificial intelligence and machine learning technologies have been developing rapidly, leading to new opportunities and challenges. One of the most discussed and controversial areas in this field is deepfake technology.

The relevance of this article is due to the growing threat, as every year there are more and more cases of using deepfake technology in the context of committing crimes provided for by the Criminal Code of the Russian Federation.

The article provides an introductory overview of deepfake technology, including its principles of operation and the main algorithms used to create fake content. The author reviewed specific examples of crimes committed using this technology and analyzed how deepfakes can be used for fraud, defamation, manipulation of public opinion, and other crimes. The article also discusses the problem of law enforcement related to deepfakes. The author indicated what difficulties law enforcement agencies have in investigating crimes related to the use of this technology, and what measures can be taken to improve the situation.

**Key words:** artificial intelligence, deepfake, criminal law, qualification of crimes, fraud, defamation, crimes using AI, methods of committing crimes, neural network.

Дипфейки представляют собой технологию, использующую искусственный интеллект для создания высокореалистичного медиаконтента, включая видео и аудио, где лица и голоса людей могут быть имитированы с помощью глубоких нейронных сетей [7]. Это открывает новые возможности и в то же время создает значительные риски для безопасности граждан с низкой цифровой грамотностью.

Технология дипфейка возникла и использовалась первоначально для создания развлекательного контента, например, заменяя лица друзей на знаменитостей на фото или видео. Однако с течением времени использование этой технологии привело к появлению серьезных угроз, таких как манипуляция общественным мнением, распространение дезинформации и использование в мошенничестве и рядом других.

Легального понятия дипфейка в отечественном законодательстве нет, что приводит к возникновению некоторых сложностей в правоприменении. Однако в литературе выделяют следующее: «Дипфейки — это преднамеренно искаженные аудио, видео или иные файлы с использованием технологии глубокого обучения (определение производное от словосочетания «deep learning» - глубокое обучение, «fake» - подделка), которые изображают вымышленное или ложное, что позволяет злоумышленникам использовать новый и сложный инструмент социальной инженерии» [1].

В настоящее время в России возможны две модели уголовной ответственности за использование дипфейков. Первая заключается в том, что распространение дипфейков следует признать уголовно-противоправным деянием и предусмотреть в Особенной части Уголовного кодекса РФ (Далее – УК РФ) отдельную статью за создание и распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях дипфейка без согласия изображенного лица, создавшее угрозу причинения вреда его жизни или здоровью, порочащее честь и достоинство другого лица или подрывающее его репутацию, либо создавшее угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности. Вторая модель сводится к тому, чтобы предусмотреть использование дипфейка при совершении преступления в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений, то есть сам дипфейк рассматривать как средство совершения различных преступлений, а его использование – в качестве способа выполнения общественно опасного деяния [2].

В сентябре 2024 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, который добавляет дипфейк в качестве квалифицирующего признака в УК РФ [8]. Внешение законопроекта обусловлено увеличением количества судебных дел, связанных с использованием дипфейков. За последние четыре года, по данным исследовательского центра «Аналитика.

Бизнес. Право» их количество выросло на 39%. Если в 2021 году таких дел было всего 112, то к 2024 году их число достигло 292. Однако, по мнению автора исследования актуальная статистика, вероятно, показывает лишь то количество дел, в которых прямо указывается использование этой технологии. Законодательное регулирование ИИ только формируется, поэтому многие суды не указывают в своих решениях дипфейк как способ совершения преступления т.е. квалифицируют без упоминания его роли, а также преступления могут оставаться невыявленными, что указывает на высокую латентность использования ИИ в противоправных целях [9].

Внесение изменений касается статей 128<sup>1</sup> «Клевета», 158 «Кража», 159 «Мошенничество», 159<sup>6</sup> «Мошенничество в сфере компьютерной информации», 163 «Вымогательство», 165 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» Уголовного кодекса Российской Федерации. Депутат Государственной Думы Я.Е.Нилов и Сенатор Российской Федерации А.К.Пушков (инициаторы проекта) предлагают следующую формулировку квалифицирующего признака: совершенные с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, либо их биометрических персональных данных [3].

Однако Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству в своём заключении указал, что используемая в законопроекте формулировка «фальсифицированные или искусственно созданные» является неопределенной и может привести к неоднозначному толкованию проектируемых положений. Кроме того, использование изображения или голоса потерпевшего или иного лица по существу является лишь средством (способом) совершения преступлений, направленных на незаконное получение чужого имущества, и само по себе не повышает степень общественной опасности таких преступлений [4].

Вывод о том, что использование изображения и голоса потерпевшего не повышает общественной опасности преступления, не соответствует действительности. Напротив, подобные материалы из-за сложности распознавания сгенерированного контента обычным пользователем выступают инструментом для психологической манипуляции потерпевшего, эксплуатирующей страх жертвы перед оглаской и целенаправленно усугубляющей ее психоэмоциональное состояние.

Данные действия: а) ставят жертву в крайне уязвимое и зависимое положение; б) порождают длительный стресс и угрозу репутационному ущербу; в) непосредственно принуждают ее к принятию невыгодных решений. Таким образом, использование аудиовизуальной информации затрагивает не один объект, и, следовательно, уве-

личивает общественную опасность содеянного.

Благодаря своей реалистичности дипфейк является мощнейшим инструментом для распространения заведомо ложных, порочащих честь и достоинство другого лица сведений. Однако существующая редакция статьи 1281 УК РФ не учитывает специфику распространения клеветы с использованием дипфейков. В частности, не определен порядок квалификации действий лиц, создавших дипфейк, и лиц, распространявших его. Представляется целесообразным дополнить законопроект [10] в части квалифицирующего признака: клевета, созданная и распространенная с применением изображения или голоса потерпевшего или иного лица фальсифицированных (и) или искусственно созданных при помощи технологий искусственного интеллекта с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Следующий поименованный в законопроекте вид преступления, в состав которого предлагается включить дипфейк как квалифицирующий признак — «Мошенничество» (ст. 159 УК РФ). Это наиболее распространенный вид преступлений с использованием этой технологии. Злоумышленники создают видео или аудио, где имитируется голос и/или внешность доверенного лица (родственника, руководителя, коллеги, известной личности) с целью противоправного завладения денежными средствами. К примеру, в 2024 году певица Лариса Долина стала жертвой мошенников, которые сгенерировали видео с ее участием для получения кредита на 50 млн рублей. Сначала в одну из кредитных организаций поступил видеозвонок от человека, похожего на Ларису Долину. Звонивший просил дать кредит под залог дома на реализацию концертного тура в 2025 году. Однако специалисты банка засомневались в том, что им звонила сама Лариса Долина, поэтому отказали в кредите. Затем аналогичный звонок поступил в другой банк, где не увидели никакого подвоха и выдали кредит. В итоге дом артистки попал в реестр залогового имущества [11]. Похожий инцидент в декабре 2023 г. произошел с концертным директором Александра Буйнова. В течение двух дней он полагал, что общается с артистом посредством переписки в Telegram, в т.ч. путем получения коротких видео от него. Оказалось, что все было сфальсифицировано – с помощью дипфейка злоумышленник пытался похитить 10.000 долларов [12]. Случаи мошенничества с применением дипфейк-технологий, направленные против известных личностей, безусловно привлекают значительное внимание средств массовой информации и общественности, однако, основная масса подобных преступлений затрагивает рядовых граждан.

Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ). Аналогично мошенничеству, но без непосредственного завладения имуществом (напри-

мер, создание дипфейка для незаконного аннулирования долга, изменения условий договора).

Вымогательство (ст. 163 УК РФ). Дипфейки используются для создания компрометирующих материалов (видео с участием в незаконных действиях, оскорбительные или ложные заявления) с последующим шантажом жертвы и требованием денег или иных действий под угрозой распространения этих материалов. Реалистичность дипфейка делает угрозу распространения крайне убедительной и психологически давящей.

Автор полагает, что возможная сфера применения данной технологии, значительно шире представленной в законопроекте, и дипфейк может служить способом совершения и других преступлений. Например, они могут использоваться для создания фейковых обращений политиков, государственных служащих или общественных деятелей с призывами к насилию, экстремизму, незаконным действиям, распространению паники. Цель – дестабилизация обстановки, дискредитация власти, разжигание ненависти или вражды. Такие противоправные деяния могут квалифицироваться по ст. 207.1 публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, ст. 207.2 публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия, ст. 207.3 публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, а также ст. 280, 2801, 282 УК РФ). Реалистичность компрометирующих видео наделяет такие деяние наибольшей степенью общественной опасности.

Технология глубокого синтеза может быть также использована при совершении такого преступления как фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности. Дипфейки потенциально могут быть использованы для создания поддельных аудио- или видеодоказательств с целью введения в заблуждение суда, следователя или дознавателя. В таких случаях современная редакция ст. 303 УК РФ позволяет надлежащим образом квалифицировать содеянное [5].

Данный перечень преступлений, при совершении которых может использоваться технология дипфейк, не является исчерпывающим. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности разработки третьей модели уголовно-правового реагирования, предполагающей признание факта применения дипфейковотягчающим обстоятельством по аналогии с п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совер-

шение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей). Введение пункта «к» в ст. 63 УК РФ было направлено на то, чтобы суды учитывали этот фактор при назначении наказания за любое преступление, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС), независимо от его основной квалификации. Это позволило правоприменительной практике быстро реагировать, не создавая для каждого вида «интернет-преступления» отдельной статьи или квалифицирующего признака.

Дипфейки, как и ИТС, не привязаны к одному конкретному составу преступления. Они могут быть инструментом для совершения широкого спектра деяний – от мошенничества и клеветы до вымогательства, фальсификации доказательств и подрыва конституционного строя. Введение отдельного пункта в ст. 63 УК РФ позволит быстрее квалифицировать любое преступление, где дипфейк не выступает основным способом совершения преступления, учитывая повышенную общественную опасность деяния. Например, изготовление дипфейк-видео, имитирующего съемку реального преступления, может преследовать цели шантажа, дискредитации лица или провокации беспорядков. В подобных случаях использование технологии искусственного интеллекта не только облегчает совершение деяния, но и многократно усиливает его деструктивный потенциал за счет убедительности подделки и скорости распространения в цифровой среде.

Параллельно с развитием законодательства в России, международное сообщество также обращает внимание на проблему регулирования дипфейков. Мировая практика показывает, что это явление растет в различных областях, включая разработки в сфере безопасности и прав человека, что делает необходимость международного сотрудничества в этой области особенно актуальной [13].

Следует отметить КНР, где впервые был введен прямой законодательный запрет на отдельные виды дипфейков. 25 ноября 2022 г. было опубликовано «Положение об администрировании информационных служб Интернета Deep Synthesis» [14]. Эти правила разработаны Администрацией киберпространства Китая (CAC) и направлены на борьбу с рисками цифровых подделок.

Документ, вступивший в силу с 10 января 2023 г., содержит требования к предоставлению услуг глубокого синтеза при создании изображений, видео, аудио и текстов [6]. Весь сгенерированный дипфейк-контент должен иметь метку (например, водяной знак или текстовое предупреждение), указывающую на использование ИИ. Скрытие такой маркировки запрещено. Любое использование дипфейк-технологий для создания контента с изображением человека, включая лицо и голос, требует письменного согласия субъекта.

Также запрещены дипфейки, которые угрожают национальной безопасности, общественным интересам или нарушают социалистические ценности (например, распространение ложной информации, клеветы).

Регулирование дипфейков в Китайской народной республике создает правовые основания для уголовного преследования лиц, использующих эту технологию для совершения преступлений против личности, общества и государства. Репутационный и психологический вред, а также угроза общественному порядку могут быть настолько значительными, что оправдывают выделение такого деяния в отдельный состав или существенное усиление наказания за существующие. Основная цель такого подхода – это предотвращение дезинформации и сохранение социальной стабильности.

В Российской правовой среде необходимо обсуждение легального определения термина «дипфейк» на законодательном уровне, что даст возможность разработать более четкие нормы и правила его использования в будущем. Учитывая успешное развитие данного вопроса в других странах, можно рассмотреть вопрос об интеграции новых зарубежных правовых механизмов в отечественную правовую среду.

В большинстве перечисленных случаев дипфейк не создает принципиально нового состава преступления, поэтому полагаем, что нет необходимости введения ранее неизвестного состава преступления. Он служит современным, высокотехнологичным способом совершения уже известных уголовному праву деяний, что поддерживается позицией, изложенной в законопроекте № 718538-8, о введении использования дипфейка как квалифицирующего признака в соответствующие статьи УК РФ. По мнению автора, исходя из неопределенного количества преступлений, где может применяться дипфейк, наиболее целесообразно включить его использование как обстоятельство,отягчающее наказание. Внедрение данного подхода позволит сформировать единые критерии оценки повышенной общественной опасности деяний, сопряженных с применением технологий глубокого синтеза, при квалификации деяний, гарантируя тем самым назначение наказания, соответствующего реальной степени причиняемого вреда.

#### Список литературы:

- [1] Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. «Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования» // Юридические исследования. 2023. №11. С. 26-41.
- [2] Ситник В.Н. «Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк» // Уральский журнал правовых исследований. 2022. №3 (20). С. 76-83.

[3] Депутат Государственной Думы Я.Е. Нилов; Сенатор Российской Федерации А.К. Пушков; Текст внесенного законопроекта № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» от 16.09.2024 г. // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 07.04.2026).

[4] Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (первое чтение) от 08.11.2024г. // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 07.04.2026).

[5] Ефремова М.А., Русскевич Е.А. «Дипфейк (deepfake) и уголовный закон» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. №2 (56). С. 97-105.

[6] Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024; 2(1): 46–73.

[7] DeepFake - что за технология, как распознать и защититься // practicum.yandex.ru. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-deepfake-i-kak-zashchititsya> (дата обращения: 07.04.2026).

[8] Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 07.04.2026).

[9] Штурма Я., Мишина В. Голосовые связи: число дел об использовании ИИ в судах выросло на 40%. // Известия. URL: <https://iz.ru/1853700/iana-shturma-valerii-mishina/golosovie-svyazichislo-del-ob-ispolzovanii-ii-v-sudakh-vyroslo-pochti-na-40> (дата обращения 06.06.2025).

[10] «Мошенники при помощи дип-фейк технологий Ларису Долину едва не лишили элитного особняка». // dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/ZqOEFKK9SiYVIXT9?ysclid=mbrgzvwlxf85657938> (дата обращения: 03.06.2025).

[11] Мошенник под видом Буйнова пытался выманить деньги у директора артиста. // lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2023/12/18/buynov-moshennik/> (дата обращения: 04.06.2025).

[12] «Дипфейки в цифровом пространстве». // Центр глобальной IT кооперации. URL: <https://cgitc.ru/upload/iblock/23f/67eesk6aig8owuk7brnrgwospccquaes.pdf> (дата обращения: 09.06.2025).

[13] Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services (2022). //

China Law Translate. URL: <https://clck.ru/38Qr2i> (дата обращения: 10.06.2025).

## References:

[1] Bodrov N.F., Lebedeva A.K. «The Concept of Deepfake in Russian Law, Classification of Deepfakes and Issues of Their Legal Regulation» // Legal Studies. 2023. No. 11. Pp. 26-41.

[2] Sitnik V.N. «Prospects for Establishing Criminal Liability for Crimes Committed Using Deepfake Technology» // Ural Journal of Legal Studies. 2022. No. 3 (20). Pp. 76-83.

[3] State Duma Deputy Ya.E. Nilov; Senator of the Russian Federation A.K. Pushkov; Text of the submitted bill No. 718538-8 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of establishing criminal liability for committing crimes using identity substitution technologies)» dated September 16, 2024 // Legislative Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (accessed: April 7, 2026).

[4] Conclusion of the State Duma Committee on State Building and Legislation on draft federal law No. 718538-8 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» (first reading) dated November 8, 2024 // Legislative Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (accessed: April 7, 2026).

[5] Efremova M.A., Russkevich E.A. «Deepfake and Criminal Law» // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (56). Pp. 97-105.

[6] Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: The Experience of China // Journal of Digital Technologies and Law. 2024; 2(1): 46–73.

[7] DeepFake - What is this technology, how to recognize it and protect yourself // practicum.yandex.ru. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-deepfake-i-kak-zashchititsya> (accessed: 07.04.2026).

[8] Bill No. 718538-8 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of establishing criminal liability for committing crimes using identity substitution technologies)» // System for Supporting Legislative Activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (date of access: 07.04.2026).

[9] Shturma Ya., Mishina V. Voice communications: the number of cases on the use of AI in courts has increased by 40%. // Izvestia. URL: <https://iz.ru/1853700/iana-shturma-valerii-mishina/golosovie-svyazichislo-del-ob-ispolzovanii-ii-v-sudakh-vyroslo-pochti-na-40> (date of access: 06.06.2025).

[10] «Fraudsters Using Deep Fake Technologies Almost Deprived Larisa Dolina of an Elite Mansion.» // dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/ZqOEFKK9SiYVIXT9?ysclid=mbrgzvwlxf85657938> (accessed: 03.06.2025).

[11] A fraudster posing as Buynov tried to swindle money from the artist's director. // lenta.

ru. URL: <https://lenta.ru/news/2023/12/18/buynov-moshennik/> (accessed: 04.06.2025).

[12] «Deepfakes in the Digital Space.» // Center for Global IT Cooperation. URL: <https://cgitc.ru/upload/iblock/23f/67eesk6aig8owuk7brnrgwospcc>

quaec.pdf (accessed: 09.06.2025).

[13] Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services (2022). // China Law Translate. URL: <https://clck.ru/38Qr2i> (accessed: 10.06.2025).



**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*



**АНДРЕЕВА Кристина Михайловна,**  
оперуполномоченный отдела по борьбе с противоправным  
использованием информационно-коммуникационных технологий (ОБК)  
УМВД России по Вологодской области,  
e-mail: kristina-andreeva-96@internet.ru

## **ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДИСТАНЦИОННЫХ ХИЩЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ**

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы предупреждения дистанционных хищений и предлагаются пути их решения. На основе научных исследований выдающихся специалистов раскрывается ключевая роль участкового уполномоченного полиции в противодействии ИТ преступлениям. Автор предлагает инновационные способы оптимизации информационного взаимодействия между участковым и жителями через цифровые каналы связи.

**Ключевые слова:** участковый уполномоченный полиции, дистанционные хищения, виктимологическая профилактика, ИТ преступность, цифровые следы.

**ANDREEVA Kristina Mikhailovna,**  
Detective Officer, Department for Combating the Illegal Use  
of Information and Communication Technologies (DUCT),  
Vologda Oblast Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia

## **COMPETENCES OF THE CONTRACT SERVICE OF THE CORPORATION IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC PRODUCTION**

**Annotation.** The article examines current challenges in preventing remote theft and proposes solutions. Based on the research of Professor A. V. Vardanyan and other experts, it highlights the key role of district police officers in combating IT crimes. The author suggests innovative methods to optimize information exchange between officers and residents through digital communication channels.

**Key words:** district police officer, remote theft, victimological prevention, IT related crime, digital traces.

Парадокс цифровизации заключается в том, что технологии, призванные повысить безопасность финансовых операций (двухфакторная аутентификация, биометрия, блокчейн), одновременно создают новые уязвимости. Злоумышленники адаптируют методы социальной инженерии под цифровые каналы коммуникации, что требует пересмотра традиционных подходов к профилактике.

Сегодня одной из наиболее серьёзных угроз для общества и личной безопасности в России стали дистанционные хищения, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ).

По данным Генпрокуратуры РФ, в 2025 году преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий составили около 38 % от общего числа зарегистрированных правонарушений в стране [1].

Особую актуальность проблема приобретает с научной и практической точек зрения. Анализ ситуации в Вологодской области показывает, что

масштабы киберпреступности достигли критического уровня. Согласно информации УМВД России по Вологодской области, в 2024 году жители региона потеряли из-за действий мошенников беспрецедентную сумму – 1 миллиард 175 миллионов 984 тысячи рублей [2].

Динамика роста дистанционных хищений ежегодно подтверждает устойчивость негативного тренда: уже к середине ноября текущего года объём похищенных средств вновь превысил психологическую отметку в один миллиард рублей. Ежедневно в дежурные части органов внутренних дел области (преимущественно в Вологде и Череповце) поступают заявления о хищениях, суммы которых в отдельных случаях достигают катастрофических размеров – свыше 12 миллионов рублей за один эпизод [3].

Современная киберпреступность демонстрирует устойчивую тенденцию к усложнению используемых методик. Злоумышленники всё чаще прибегают к многоступенчатым схемам социальной инженерии, интегрируя знания когни-

тивных искажений, поведенческой психологии и особенностей работы финансовых алгоритмов. В Вологодской области данная тенденция усугубляется специфическими социокультурными факторами: исторически сложившаяся модель поведения населения (высокая степень доверия к официальным источникам информации и законопослушность) создаёт дополнительные условия для успешной реализации мошеннических схем.

Ситуация усугубляется тем, что традиционные методы раскрытия преступлений, основанные на физическом взаимодействии злоумышленника и жертвы, в цифровой среде демонстрируют крайне низкую результативность.

Акцент в работе органов внутренних дел должен смещаться с репрессивных мер на превентивные, в частности – на виктимологическую профилактику. В. И. Задорожный отмечает, что виктимологическая профилактика должна стать приоритетным направлением в системе предупреждения преступности.

По мнению автора, такой подход более эффективен, чем исключительно репрессивные меры, поскольку он включает не только работу с потенциальными жертвами, но и устранение социально-экономических и культурных условий, повышающих риск виктимизации [4].

Виктимологическая профилактика ориентирована не на преступника, который зачастую находится вне досягаемости местной системы правосудия, а на потенциальную жертву, находящуюся на месте происшествия. По мнению А. В. Майорова, суть такого воздействия заключается в девиктимизации сознания граждан и снижении их личной уязвимости [5, с. 9]. В этой системе ключевую роль играет участковый уполномоченный полиции, который благодаря особенностям своей работы может напрямую взаимодействовать с наиболее уязвимыми группами населения в своём районе.

Эффективность деятельности участкового во многом зависит от того, насколько хорошо он понимает особенности виктимности жителей своего участка.

Криминалистическое изучение личности потерпевшего выступает важным методологическим элементом расследования: данные о потерпевших и их поведении позволяют объяснить направленность и мотивы поведения преступника, его общие и индивидуальные качества [6]. Такой подход не только способствует установлению механизма преступления, но и служит основой для целенаправленного использования тактических приёмов в ходе расследования преступных деяний.

Для Вологодской области виктимологическая ситуация определяется наличием нескольких постоянных групп риска.

Первую и наиболее многочисленную группу составляют лица пожилого возраста (пенсионеры). Особенность Вологодской области – высокая

доля сельского населения пожилого возраста (по данным Росстата, 32 % жителей региона старше 60 лет, из них 45 % проживают в сельской местности) [7]. Это создаёт двойной эффект уязвимости: с одной стороны – возрастная доверчивость, с другой – ограниченный доступ к консультациям специалистов (банковских работников, юристов) из-за удалённости населённых пунктов.

По данным оперативных сводок УМВД России по Вологодской области, именно эта категория граждан чаще всего становится жертвой классических схем социальной инженерии, таких как «родственник в беде», «безопасный счёт», а также «замена медицинского полиса». В Вологодском регионе высокая уязвимость пожилых людей связана не только с возрастной доверчивостью, но и с тем, что многие из них, особенно проживающие в сельской местности, находятся в информационном вакууме.

Как отмечает Е. С. Палий, «пожилые люди традиционно рассматриваются исследователями как одна из наиболее уязвимых групп: у них нередко меньше навыков цифровой гигиены, и они могут более доверчиво относиться к звонкам «от банка» или других официальных структур» [8, с. 115].

Вторую группу риска образуют сотрудники крупных промышленных предприятий региона, особенно из таких крупных городов, как Череповец и Вологда. Здесь преобладают мошенничества через фиктивные инвестиционные платформы. Стабильный доход и накопления работников металлургических и химических предприятий делают их привлекательной целью для организаторов «лжебирж». Основные причины их уязвимости – стремление быстро заработать и недостаточная финансовая грамотность при высокой активности в цифровой среде.

Третья группа, вызывающая особую обеспокоенность в 2025–2026 годах в Вологодской области,

– активные пользователи государственных цифровых сервисов. Наиболее распространённая схема

– «взлом личного кабинета Госуслуг». Как правило, это люди трудоспособного возраста, которые становятся жертвами из-за опасения потерять свои персональные данные.

По мнению А. В. Варданяна, «рост дистанционных хищений требует модернизации криминалистических и оперативно розыскных теорий. Автор настаивает на необходимости систематизации цифровых методов по критериям целевого назначения, используемых технологий и степени автоматизации, что позволит целенаправленно противодействовать преступлениям в цифровой среде» [9, с. 10].

В Вологодской области активно внедряются современные цифровые методы профилактики дистанционных хищений в полном соответствии с научными подходами.

1) Во-первых, в регионе успешно функци-

онирует система многоуровневого оповещения. Участковые активно взаимодействуют с администрациями торговых центров и транспортных предприятий в Вологде и Череповце. Там запускают аудиоролики с предупреждениями, которые, по оказывают значительную эффективность, если транслируются в момент проведения финансовых операций. Сотрудники полиции организуют профилактическое информирование в зонах расположения банкоматов и регулярно обновляют информационные материалы.

Одним из действенных методов, уже апробированных в Вологодской области, стало включение участковых в «домовые чаты» в мессенджерах. Профилактика в век информационных технологий должна соответствовать способам совершения преступлений. Если мошенники используют мессенджеры, участковые также должны задействовать их для защиты граждан. Оперативное информирование жителей о случаях мошенничества в соседних домах позволяет существенно снизить число потерпевших.

2) Во-вторых, в сельской местности Вологодчины участковые обучают социальных работников и почтальонов. Из за удалённости населённых пунктов участковый не может регулярно посещать каждого пенсионера, поэтому почтальоны собирают информацию и сообщают о подозрительных случаях, например, если пожилые люди планируют снять крупную сумму.

Именно здесь особенно важна виктимологическая работа: участковый должен взаимодействовать с почтовыми отделениями и банками. В сельской местности почтальоны, доставляющие пенсии, зачастую первыми замечают признаки психологического давления на пожилых людей. Своевременное реагирование участковых на такие сигналы может предотвратить серьёзные материальные потери.

3) В-третьих, при УМВД Вологодской области внедрена масштабная система «Стоп-мошенник», в рамках которой транслируются аудиопоминки в торговых центрах и на общественном транспорте во время движения пассажиров.

По данным исследований А. Л. Ситковского, «служба участковых уполномоченных занимает лидирующую позицию среди подразделений ОВД в сфере виктимологической профилактики: на неё приходится 68,3 % профилактической работы. Это объясняется тем, что участковые работают непосредственно с населением, анализируют криминальную обстановку на участках и проводят разъяснительную работу с гражданами» [10, с. 44]. Исходя из этого умозаключения, хочется отметить, что все предпринимаемые меры по профилактике имеют недостаточный эффект без координирующей работы участкового.

А также, несмотря на предпринимаемые меры, ежегодный ущерб от мошенничеств в регионе превышает 1 миллиард рублей, что свидетельствует о наличии системных проблем.

Для эффективной борьбы с IT-преступностью в органах внутренних дел Вологодской области необходимо внедрить новые подходы в работе участковых. Традиционные профилактические обходы, предусмотренные Приказом МВД России № 205, следует дополнить методами виртуального присутствия правоохранителей среди жителей своего участка.

#### **Предложения по улучшению виктимологической профилактики в работе участковых**

Исходя из анализа научных данных и региональной практики, предлагается комплекс мер для повышения эффективности работы участковых уполномоченных полиции.

1. В целях совершенствования системы виктимологической профилактики дистанционных хищений на территории Вологодской области целесообразно внедрить «Реестр виктимных групп» – специализированную цифровую платформу для учёта и мониторинга граждан с повышенной степенью виктимности. База данных, формируемая участковыми уполномоченными полиции на закреплённых административных участках, будет включать следующие категории лиц:

- граждане, ранее пострадавшие от дистанционных мошенничеств (с фиксацией типа схемы и суммы ущерба);
- лица пожилого возраста (60+ лет), особенно проживающие в сельской местности;
- социально неблагополучные семьи с низким уровнем финансовой грамотности;
- активные пользователи цифровых финансовых сервисов с историей подозрительных операций.

Персонализированный подход к информированию (SMS-рассылки, уведомления в мессенджерах, целевые профилактические беседы) позволит минимизировать риски повторной виктимизации и предупредить потенциальные преступления.

2. Для повышения оперативности профилактической работы предлагается интегрировать деятельность участковых уполномоченных в цифровые коммуникационные среды жителей Вологодской области. В рамках реализации Приказа МВД РФ № 205 необходимо:

а) официально закрепить статус «Виртуального кабинета участкового» – персонального аккаунта в популярных мессенджерах (MAX) и социальных сетях (ВКонтакте), используемого для официального взаимодействия с населением;

б) разработать типовой регламент взаимодействия участковых с общедомовыми и подъездными чатами, включающий:

- график публикаций профилактических материалов (2–3 раза в неделю);
- порядок оперативного реагирования на сообщения о подозрительных звонках/сообщениях;
- механизм передачи информации в дежурные

части при выявлении фактов мошенничества;

в) обеспечить техническую поддержку – создать шаблонный контент (инфографику, короткие видеоролики, текстовые памятки) для быстрого размещения в чатах.

3. Геймификация и визуализация профилактики.

Несмотря на наличие аудио- и видеороликов в торговых центрах и на общественном транспорте, значительный ущерб от мошенничеств свидетельствует об «усталости» населения от традиционных предупреждений: граждане воспринимают их как фоновый шум.

Предлагается перейти к интерактивным методам профилактики: вовлекать жителей в обучение через симуляции мошеннических ситуаций.

Цель – сформировать у человека устойчивые навыки поведения в стрессовых обстоятельствах. Практические инструменты: -ежемесячные короткие тест-опросы в домовых чатах: например, «Вам звонит «сотрудник ФСБ» или «сотрудник полиции», просит перевести деньги на «безопасный счёт». Ваши действия?»;

Пример тест-опроса для домовых чатов:

**Ситуация:** Вам звонит человек, представляющийся сотрудником полиции. Он сообщает, что ваши деньги под угрозой и их нужно срочно перевести на «безопасный счёт». Что вы сделаете?

1. Немедленно переведу деньги, как сказано.

2. Положу трубку и позвоню в банк по официальному номеру.

3. Спрошу у звонящего номер его удостоверения и звание.

4. Сообщу в домовую чат, чтобы предупредить соседей.

**Правильный ответ:** 2. Всегда проверяйте информацию через официальные каналы. Мошенники часто имитируют голоса и номера.

Необходимо на региональном уровне включить в программу профилактики систему «Цифрового паспорта виктимности административного участка». Эта система позволит участковому:

-отслеживать и анализировать случаи мошенничества на закреплённой территории;

-прогнозировать вероятные направления атак;

-в режиме реального времени концентрировать внимание на домах и группах людей с повышенным риском виктимизации.

Концепция цифрового паспорта включает:

-карту виктимогенных зон (районы с высокой плотностью пожилых жителей, локации банкоматов с частыми случаями мошенничества);

-график профилактических мероприятий (личные встречи, онлайн-вебинары);

-базу контактов социальных служб, банков, почты для координации.

Внедрение такой системы в пилотном режиме в 2026 году позволит оценить её влияние на динамику преступлений.

Такой подход опирается на принципы пове-

денческой психологии и делает профилактику более эффективной, чем традиционные плакаты.

Результаты исследования подтверждают: в условиях цифровой трансформации преступности традиционные методы работы участковых требуют существенной модернизации. Необходим переход к комплексным криминалистическим методикам, интегрирующим современные ИТ-решения в повседневную профилактическую деятельность органов внутренних дел.

Виктимологический подход должен стать приоритетным в работе участковых по противодействию дистанционным мошенничествам. Акцент следует сместить с массовой раздачи памяток на адресную профилактику для конкретных групп:

-пенсионеров в сельской местности;

-работников крупных промышленных предприятий, отличающихся особыми поведенческими установками.

Также требуется симметричная модель профилактики: если мошенники используют мессенджеры и соцсети, участковые обязаны присутствовать в тех же каналах коммуникации. Законодательное закрепление статуса «виртуального кабинета УУП» и его присутствие в общедомовых чатах позволит создать систему быстрого оповещения, способную пресекать преступления на этапе социальной инженерии.

Реализация данных предложений позволит трансформировать работу участковых из формальной деятельности в научно обоснованную систему защиты имущества граждан, отвечающую вызовам современных технологичных преступлений.

#### Список литературы:

[1] О состоянии преступности в Российской Федерации в 2025 г.: данные Генеральной прокуратуры РФ. // ТАСС (февраль 2026 г.). URL: <https://tass.ru/obschestvo/26072087> (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Жители Вологодской области в 2024 году перевели мошенникам более 1,1 млрд рублей // УМВД России по Вологодской области: официальный сайт. – 2025. URL: <https://vologdaregion.ru/public/news/2025/1/27/za-2025-god-vologzhane-pereveli-moshennikam-bolee-milliarda-rublej> (дата обращения: 09.04.2026).

[3] Состояние правопорядка в Вологодской области. // Новости Вологды и Вологодской области – МК. URL: <https://vologda.mk.ru/incident/2026/03/31/zhitelnica-vologdy-otdalamoshennikam-12-millionov-rublej.html> (дата обращения: 09.04.2026).

[4] Задорожный В. И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты: монография / В. И. Задорожный; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Акад. упр. МВД России. – Москва: Акад. упр. МВД России, 2005. – 277 с.

[5] Майоров А. В. Виктимная безопасность

общества в современных условиях // Вестник Прикамского социального института. 2023. №1 (94). С. 8–16.

[6] Криминалистическое изучение личности: научно практическое пособие для магистров / Бедризов А. Г., Комиссарова Я. В., Лушечкина М. А. и др.; отв. ред. Я. В. Комиссарова. – Москва: Проспект, 2016. – 224 с.

[7] Оценка численности населения Вологодской области по полу и возрасту на 1 января 2025 года: статистический бюллетень / Вологдастат. – Вологда: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, 2025. – 48 с.

[8] Палий Е. С. Криминалогические и уголовно правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake технологий и социальной инженерии / Е. С. Палий // Вестник Санкт Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 2. – С. 112–118.

[9] Варданян А. В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юристъ-Правоведъ. – 2022. – №2 (101). – С. 7–13.

[10] Ситковский А. Л. Виктимологическая профилактика преступлений: роль участковых уполномоченных полиции // Молодой учёный. – 2023. – № 12 (459). – С. 43–47.

#### References:

[1] On the state of crime in the Russian Federation in 2025: data from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. // TASS (February 2026). URL: <https://tass.ru/obschestvo/26072087> (date accessed: 10.04.2026).

[2] Residents of the Vologda Oblast transferred more than 1.1 billion rubles to fraudsters in 2024 // UMVD of Russia for the Vologda Oblast: official website. – 2025. URL: [https://vologdaregion.ru/public/news/2025/1/27/za-2025-god-vologzhane-](https://vologdaregion.ru/public/news/2025/1/27/za-2025-god-vologzhane-pereveli-moshennikam-bolee-milliarda-rublej)

[pereveli-moshennikam-bolee-milliarda-rublej](https://vologdaregion.ru/public/news/2025/1/27/za-2025-god-vologzhane-pereveli-moshennikam-bolee-milliarda-rublej) (date accessed: 09.04.2026).

[3] The state of law and order in the Vologda Oblast. // News of Vologda and the Vologda Region – MK. URL: <https://vologda.mk.ru/incident/2026/03/31/zhitelnica-vologdy-otdala-moshennikam-12-millionov-rublej.html> (accessed: 09.04.2026).

[4] Zadorozhny V. I. Victimological Crime Prevention: Organizational, Managerial, and Legal Aspects: monograph / V. I. Zadorozhny; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Academy of Sciences of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Moscow: Academy of Sciences of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. – 277 p.

[5] Mayorov A. V. Victim Safety of Society in Modern Conditions // Bulletin of the Kama Social Institute. 2023. No. 1 (94). pp. 8–16.

[6] Forensic Personality Study: A Scientific and Practical Handbook for Masters' Degrees / Bedrizov A. G., Komissarova Ya. V., Lushechkina M. A., et al.; ed. by Ya. V. Komissarova. – Moscow: Prospect, 2016. – 224 p.

[7] Population Estimates of the Vologda Oblast by Gender and Age as of January 1, 2025: Statistical Bulletin / Vologdastat. – Вологда: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, 2025. – 48 p.

[8] Paliy E. S. Criminological and Criminal Law Aspects of Remote Fraud Using Deepfake Technologies and Social Engineering / E. S. Paliy // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 2. – pp. 112–118.

[9] Vardanyan A. V. The Problem of Systematization of Digital Methods of Operational-Investigative Activities Used in the Fight against Remote Thefts and Their Forensic Significance // Jurist-Pravoved. - 2022. - No. 2 (101). - P. 7-13.

[10] Sitkovsky A. L. Victimological Crime Prevention: The Role of District Police Officers // Young Scientist. - 2023. - No. 12 (459). - P. 43-47.



# ЦИФРОВОЕ ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-57-61

Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

**ГАЙДУКОВА Валерия Вадимовна,**

кандидат экономических наук,

заведующая лабораторией

«Медиаграмотности и исследований»,

Мариупольский государственный университет

имени А.И. Куинджи,

ORCID ID 0000-0003-4059-0722,

e-mail: Valeriavasenko54@yandex.ru

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ БРЕНДА МЕДИА: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И МЕТОДЫ КАПИТАЛИЗАЦИИ

**Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы оценки экономической ценности брендов в медиаиндустрии — одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной экономики, где нематериальные активы играют определяющую роль в формировании конкурентных преимуществ и инвестиционной привлекательности компаний.

Анализируется эволюция подходов к оценке медиа-брендов: от традиционных методов (затратного, рыночного, доходного) до специализированных комплексных методик ведущих мировых агентств, а также современных инструментов, учитывающих влияние социальных сетей, стриминговых платформ и поведенческих метрик аудитории. Особое внимание уделяется сравнительному анализу применимости каждой методики к медиа-брендам, выявлению их сильных сторон и ограничений.

В работе раскрывается специфика медиа-брендов как сложных многокомпонентных нематериальных активов, объединяющих интеллектуальную собственность (контентные библиотеки, авторские права), репутационный капитал (доверие аудитории, экспертный авторитет) и аудиторную базу (размер, лояльность, платёжеспособность потребителей). Обосновывается необходимость учёта таких специфических факторов, как способность формировать общественную повестку, контентная эксклюзивность и платформенная независимость.

На основе критического анализа существующих подходов предлагается авторская комплексная модель оценки экономической ценности медиа-бренда, адаптированная к условиям цифровой трансформации отрасли. Модель интегрирует три компонента: финансовую оценку (дисконтирование денежных потоков), оценку силы бренда (семь факторов с весовыми коэффициентами) и аудиторно-социальную оценку (вовлечение, сарафанное радио, качество взаимодействия). Разработанные теоретические положения и практические рекомендации могут быть использованы медиакомпаниями для целей капитализации бренда, привлечения инвестиций и повышения эффективности стратегического управления.

**Ключевые слова:** медиа-бренд, медиакомпания, экономическая ценность бренда, капитализация бренда, оценка нематериальных активов, методики оценки бренда, цифровая трансформация, медиаэкономика.

**GAIDUKOVA Valeria Vadimovna,**

PhD in Economics,

Head of the Laboratory of

«Media Literacy and Research»,

A.I. Kuindzhi Mariupol State University

## ECONOMIC VALUE OF MEDIA BRAND: APPROACHES TO VALUATION AND METHODS OF CAPITALIZATION

**Annotation.** The article examines theoretical and practical issues of assessing the economic value of brands in the media industry — one of the most dynamically developing sectors of the modern economy, where intangible assets play a decisive role in shaping competitive advantages and investment attractiveness of companies.

*The evolution of approaches to media brand valuation is analyzed: from traditional methods (cost, market, income) to specialized comprehensive methodologies of leading global agencies, as well as modern tools that take into account the influence of social networks, streaming platforms and audience behavioral metrics. Special attention is paid to a comparative analysis of the applicability of each methodology to media brands, identifying their strengths and limitations.*

*The paper reveals the specificity of media brands as complex multicomponent intangible assets combining intellectual property (content libraries, copyrights), reputational capital (audience trust, expert authority) and audience base (size, loyalty, consumer solvency). The necessity of taking into account such specific factors as the ability to shape the public agenda, content exclusivity and platform independence is substantiated.*

*Based on a critical analysis of existing approaches, the author's comprehensive model for assessing the economic value of a media brand is proposed, adapted to the conditions of digital transformation of the industry. The model integrates three components: financial valuation (discounting cash flows), brand strength assessment (seven factors with weighting coefficients) and audience-social assessment (engagement, word-of-mouth, quality of interaction). The developed theoretical provisions and practical recommendations can be used by media companies for brand capitalization purposes, attracting investments and increasing the efficiency of strategic management.*

**Key words:** media brand, media companies, economic value of brand, brand capitalization, valuation of intangible assets, brand valuation methodologies, digital transformation, media economics.

## **Введение**

Медиаиндустрия на протяжении последних десятилетий проходит через этап глубоких структурных изменений, вызванных цифровизацией, сменой потребительских привычек и распространением новых каналов доставки контента. В этих условиях бренд медиа превращается в один из важнейших нематериальных активов, от которого напрямую зависят конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность компании. Как подчёркивается в современных работах, «высокий уровень капитализации бренда стал существенным фактором при оценке медиакомпаний, воздействуя на потребительскую лояльность, рекламные доходы и рыночное позиционирование» [2, с. 25].

Вместе с тем проблема достоверной оценки экономической ценности медиа-бренда остаётся нерешённой. Традиционные методы, разработанные для оценки товарных брендов, недостаточно учитывают особенности медиапродукта, где ценность формируется не только содержанием контента, но и уровнем доверия аудитории, репутацией, способностью влиять на общественную повестку [7, с. 45]. Кроме того, бурное развитие стриминговых сервисов и социальных платформ порождает новые факторы ценности, которые необходимо интегрировать в оценочные модели [3, с. 12].

Проблема исследования заключается в противоречии между возрастающей экономической ролью медиа-брендов как нематериальных активов и отсутствием универсального, теоретически обоснованного и пригодного для практического применения инструментария их оценки, который бы объединял традиционные финансовые показатели и современные факторы цифровой среды.

Цель работы — разработка теоретико-методологических основ определения экономической ценности бренда медиа и выработка рекомендаций по его капитализации.

## **Задачи исследования:**

1. Обобщить и систематизировать теоретические подходы к пониманию сущности и структуры бренда медиа как экономической категории.
2. Провести сравнительный анализ существующих методов оценки брендов и определить границы их применимости к медиа-брендам.
3. Выявить специфические факторы, определяющие экономическую ценность бренда медиа в эпоху цифровой трансформации.
4. Сформулировать практические рекомендации по капитализации бренда медиа в качестве нематериального актива.

## **Материалы и методы**

Исследование базируется на принципах системного подхода к анализу экономической ценности бренда медиа. Методологический каркас включает три компонента: теоретический анализ (систематизация существующих подходов к оценке бренда), сравнительный анализ (сопоставление методик по критериям полноты и точности) и моделирование (разработка интегральной модели оценки).

Сравнение методик оценки бренда проводилось по следующим критериям: финансовая обоснованность (связь с денежными потоками и прибылью), учёт рыночных факторов (позиционирование, доля рынка), учёт потребительских факторов (осведомлённость, лояльность, восприятие), применимость к медиа-брендам (учёт специфики медиаиндустрии), прозрачность и воспроизводимость (возможность независимой верификации результатов).

## **Результаты**

В результате проведённого анализа были получены следующие характеристики основных методик [9; 10; 11]:

Анализ показал, что традиционные методики (Interbrand, Brand Finance) обладают ограниченной применимостью к медиа-брендам, поскольку

не учитывают такие специфические факторы, как динамика потребительского спроса на контент, вовлечённость аудитории и виральный потенциал [5, с. 360]. Современные подходы (Parrot Analytics) более адекватно отражают ценность медиа-брендов, однако часто являются проприетарными и недоступными для независимого использования [4, с. 8].

На основе теоретического и эмпирического анализа выделены следующие специфические факторы, определяющие экономическую ценность бренда медиа [7; 8].

Фактор 1. Доверие аудитории. Для медиа-бренда доверие выступает критическим активом, влияющим на готовность аудитории потреблять контент и платить за него. Доверие проявляется через регулярность потребления, устойчивость к негативной информации о бренде и готовность рекомендовать бренд другим.

Фактор 2. Способность формировать повестку дня. Медиа-бренды, способные влиять на общественное мнение, обладают более высокой ценностью для рекламодателей и партнёров.

Фактор 3. Аудиторный капитал. Объём, демографический состав и поведенческие характеристики аудитории напрямую определяют монетизационный потенциал бренда.

Фактор 4. Контентная эксклюзивность. Уникальный контент (журналистские расследования, эксклюзивные интервью, авторские программы) создаёт дифференциацию бренда на рынке.

Фактор 5. Платформенная независимость. Способность бренда сохранять свою ценность при смене каналов распространения повышает его устойчивость и инвестиционную привлекательность.

### Обсуждение

Полученные результаты подтверждают выводы предшествующих работ о необходимости комплексного подхода к оценке бренда. Как справедливо отмечает А.С. Грисько, «к настоящему времени специалисты по маркетингу ещё не разработали универсального способа оценки капитала бренда», поскольку «сила бренда проявляется в комплексе взаимоотношений с потребителем, а они весьма многогранны» [5, с. 361].

Предлагаемая модель развивает подход Д. Аакера, включая его концепцию потребительского капитала бренда (СВВЕ), но адаптирует её к специфике медиаиндустрии [7, с. 78]. В отличие от методики Interbrand, которая игнорирует «показатель осведомлённости потребителей о бренде, а также отношение потребителя к бренду» [6, с. 4], предложенная модель включает эти факторы в качестве самостоятельных компонентов.

Современные подходы к оценке медиа-брендов, представленные в исследованиях Parrot Analytics, также подтверждают необходимость учёта «трёх столпов комплексной оценки контента: исторической и будущей ценности библиотеки,

ценности будущих проектов и капитала бренда» [4, с. 12]. Предлагаемая модель интегрирует эти компоненты в единую оценочную конструкцию.

Настоящее исследование имеет следующие ограничения:

1. Эмпирическая база. Работа носит преимущественно теоретический характер и требует эмпирической верификации на данных реальных медиа-брендов.

2. Доступность данных. Многие показатели, необходимые для оценки (например, данные о сделках с брендами), являются коммерческой тайной [12, с. 95].

3. Динамичность отрасли. Медиаиндустрия находится в состоянии непрерывных изменений, что требует постоянной актуализации факторов оценки.

4. Субъективность весов. Определение весовых коэффициентов в интегральной оценке силы бренда требует дополнительного обоснования и калибровки [13, с. 42].

### Перспективные направления дальнейших исследований

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на: эмпирическую апробацию предложенной модели на данных российских медиа-брендов; разработку отраслевых методик оценки капитала бренда с учётом специфики различных сегментов медиаиндустрии (печатные СМИ, телевидение, онлайн-медиа, стриминговые платформы); изучение взаимосвязи между инвестициями в развитие бренда и динамикой его экономической ценности [15, с. 210]; адаптацию методов оценки бренда для целей бухгалтерского учёта и налогообложения в Российской Федерации.

### Основные выводы

1. Бренд медиа представляет собой сложный нематериальный актив, объединяющий контентный, аудиторный, репутационный и платформенный капитал. Экономическая ценность медиа-бренда определяется не только финансовыми показателями, но и способностью формировать доверие аудитории, влиять на общественную повестку и создавать устойчивые конкурентные преимущества [8, с. 112].

2. Существующие методики оценки бренда (Interbrand, Brand Finance) обладают ограниченной применимостью к медиа-брендам, поскольку недостаточно учитывают специфические факторы: динамику аудиторного спроса, вовлечённость в социальных медиа, репутационную составляющую. Традиционные методы «освобождения от роялти» или «дисконтирования прибыли» не отражают всей сложности создания ценности в медиаиндустрии [10, с. 28].

3. В эпоху цифровой трансформации ключевыми факторами ценности медиа-бренда становятся вовлечение аудитории, сарафанное радио и качество взаимодействия с потребителями в



социальных медиа. Эти факторы демонстрируют устойчивую связь с процессом совместного создания ценности, что ведёт к повышению капитала бренда [1, с. 7].

4. Предложенная комплексная модель оценки интегрирует финансовый компонент (DCF-анализ), оценку силы бренда (семь факторов с весовыми коэффициентами) и аудиторно-социальную оценку (вовлечение, WOM, взаимодействие). Модель позволяет более адекватно отражать экономическую ценность медиа-бренда по сравнению с традиционными подходами.

#### **Практические рекомендации**

Для медиакомпаний и профессиональных оценщиков рекомендуется:

1. При оценке медиа-бренда учитывать три группы факторов: финансовые (денежные потоки, рентабельность), рыночные (доля аудитории, конкурентная позиция) и поведенческие (доверие, лояльность, вовлечение) [7, с. 92].

2. Регулярно проводить аудит капитала бренда, используя как количественные (финансовые показатели, аудиторные метрики), так и качественные (опросы, фокус-группы) методы [8, с. 156].

3. Инвестировать в развитие тех компонентов бренда, которые оказывают наибольшее влияние на его экономическую ценность: доверие аудитории, уникальность контента, присутствие на ключевых платформах [15, с. 234].

4. Капитализировать бренд как нематериальный актив — отражать его стоимость на балансе компании, использовать для привлечения инвестиций, обеспечения кредитов и при совершении сделок слияния и поглощения [12, с. 180].

#### **Перспективы дальнейших исследований**

Дальнейшие исследования в области экономической ценности бренда медиа должны быть направлены на: эмпирическую верификацию предложенной модели; адаптацию методик оценки к российским условиям; разработку отраслевых стандартов оценки медиа-брендов; изучение взаимосвязи между цифровой трансформацией и изменением структуры капитала бренда.

#### **Список литературы:**

[1] Sadyk D. Theoretical contribution of social media factors toward customer-based brand equity // Stud.kz. — 2024. — P. 1-12.

[2] Lindemann J. Brand Equity: The Marketer's View on Brand Value // The Economy of Brands. — Palgrave Macmillan, 2010. — P. 23-39.

[3] Andersen in Egypt. Evolving Valuation in the Media and Entertainment Industry. — 2024. — 35 p.

[4] Parrot Analytics. Beyond the Balance Sheet: A New Framework for Production Company Content Valuation. — 2023. — 28 p.

[5] Grisko A.S. Kompleksnye metody ocenki kapitala brenda [Comprehensive methods for brand

equity evaluation] // Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University]. — 2012. — No. 1. — P. 359-361.

[6] Mezhregional'nyj centr ekspertizy i ocenki. Plyusy i minusy podhodov dlya ocenki stoimosti brenda [Advantages and disadvantages of brand valuation approaches]. — 2017. — 8 p.

[7] Aaker D. Managing Brand Equity: Capitalizing on the Value of a Brand Name. — New York: Free Press, 1991. — 299 p.

[8] Keller K.L. Strategic Brand Management: Building, Measuring, and Managing Brand Equity. — Pearson, 2013. — 592 p.

[9] Interbrand. Best Global Brands 2023. — 2023. — 45 p.

[10] Brand Finance. Global 500 2024. — 2024. — 62 p.

[11] Hirose Y. The Report of the Committee on Brand Valuation. — Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan, 2002. — 58 p.

[12] Salinas G. The International Brand Valuation Manual: A Complete Overview and Analysis of Brand Valuation Techniques. — Wiley, 2009. — 432 p.

[13] Haigh D. Brand Valuation: A Review of Current Practice. — Brand Finance, 2015. — 87 p.

[14] Damodaran A. The Dark Side of Valuation: Valuing Young, Distressed, and Complex Businesses. — FT Press, 2018. — 512 p.

[15] Kapferer J.N. The New Strategic Brand Management: Advanced Insights and Strategic Thinking. — Kogan Page, 2012. — 496 p.

#### **References:**

[1] Sadyk D. Theoretical contribution of social media factors towards customer-based brand equity // Stud.kz. - 2024. - P. 1-12.

[2] Lindemann J. Brand Equity: The Marketer's View on Brand Value // The Economy of Brands. - Palgrave Macmillan, 2010. - P. 23-39.

[3] Andersen in Egypt. Evolving Valuation in the Media and Entertainment Industry. — 2024. — 35 p.

[4] Parrot Analytics. Beyond the Balance Sheet: A New Framework for Production Company Content Valuation. — 2023. — 28 p.

[5] Grisko A.S. Kompleksnye metody ocenki kapitala brenda [Comprehensive methods for brand equity evaluation] // Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University]. - 2012. - No. 1. - P. 359-361.

[6] Mezhregional'nyj centr ekspertizy i ocenki. Plyusy i minusy podhodov dlya ocenki stoimosti brenda [Advantages and disadvantages of brand valuation approaches]. — 2017. — 8 p.m.

[7] Aaker D. Managing Brand Equity: Capitalizing on the Value of a Brand Name. - New York: Free Press, 1991. - 299 p.

[8] Keller K.L. Strategic Brand Management: Building, Measuring, and Managing Brand Equity. - Pearson, 2013. - 592 p.

[9] Interbrand. Best Global Brands 2023. — 2023. — 45 p.

[10] Brand Finance. Global 500 2024. — 2024. — 62 p.

[11] Hirose Y. The Report of the Committee on Brand Valuation. - Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan, 2002. - 58 p.

[12] Salinas G. The International Brand Valuation Manual: A Complete Overview and Analysis of Brand Valuation Techniques. - Wiley, 2009. - 432 p.

[13] Haigh D. Brand Valuation: A Review of Current Practice. — Brand Finance, 2015. — 87 p.

[14] Damodaran A. The Dark Side of Valuation: Valuing Young, Distressed, and Complex Businesses. - FT Press, 2018. - 512 p.

[15] Kapferer J.N. The New Strategic Brand Management: Advanced Insights and Strategic Thinking. — Kogan Page, 2012. — 496 p.



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**  
*www.law-books.ru*



# ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-62-67

Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

**ГАШИГУЛЛИНА Виктория Азатовна,**

студент, Новосибирский государственный университет

экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ),

г. Новосибирск, Россия,

e-mail: gashigullina.vika@mail.ru

## НЕДОСТАТКИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

**Аннотация.** Статья посвящена системному анализу недостатков, присущих институту брачного договора в российском семейном праве. Сформулирована и аргументирована гипотеза о том, что закреплённая статьями 40–44 Семейного кодекса Российской Федерации конструкция договорного режима имущества супругов в её действующем виде не выполняет функцию полноценного инструмента индивидуализации имущественных отношений супружеской пары. На основе обобщения нормативного материала, доктринальных позиций и судебной практики выделены пять групп недостатков: ограниченность предметной сферы; оценочный характер критерия «крайне неблагоприятного положения»; неприспособленность к регулированию цифровых активов; уязвимость договора при банкротстве супруга; нотариально-формальные барьеры. Предложены направления совершенствования законодательства, направленные на расширение предметной сферы договора, конкретизацию оснований оспаривания и адаптацию конструкции к современным имущественным реалиям.

**Ключевые слова:** брачный договор, имущественные отношения супругов, договорный режим имущества, крайне неблагоприятное положение, цифровые финансовые активы, банкротство супруга, нотариальное удостоверение.

**GASHIGULLINA Victoria Azatovna,**

student, Novosibirsk State University

of Economics and Management «NINH» (NSUEM),

Novosibirsk, Russia

## DISADVANTAGES OF THE MARRIAGE CONTRACT

**Annotation.** The article is devoted to the systemic analysis of the disadvantages inherent in the institution of marriage contract under the Russian family law. The hypothesis is formulated and substantiated that the construction of the contractual regime of spouses' property fixed by Articles 40–44 of the Family Code of the Russian Federation, in its current form, fails to perform the function of a full-fledged instrument for individualisation of marital property relations. On the basis of normative material, doctrinal positions and judicial practice, five groups of disadvantages are identified: a limited subject scope; the evaluative nature of the criterion of an «extremely unfavourable position»; unfitness for regulating digital assets; vulnerability of the contract in spousal bankruptcy; notarial-formal barriers. Directions for improving the legislation aimed at extending the subject scope of the contract, specifying the grounds for challenge, and adapting the construction to contemporary property realities are proposed.

**Key words:** marriage contract, marital property relations, contractual property regime, extremely unfavourable position, digital financial assets, spousal bankruptcy, notarial certification.

Институт брачного договора, легально оформленный в российском правовом порядке нормами главы 8 Семейного кодекса Российской Федерации [3], за более чем тридцатилетний период своего существования так и не стал распространённым инструментом регулирования имущественных отношений супругов. По данным Федеральной нотариальной палаты, доля супружеских пар, заключивших брачный договор, не превышает пяти–семи процентов. Фиксируемое

статистикой отставание не объясняется одной лишь правовой инерцией; оно обусловлено системными ограничениями самой нормативной модели договора, которая, будучи задумана как универсальный инструмент диспозитивного регулирования, на практике обнаруживает существенные дефекты конструкции. Соответственно, проблема приобретает не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение, требуя комплексного научного осмысления.

Гипотеза настоящего исследования формулируется следующим образом: действующая нормативная модель брачного договора в Российской Федерации обладает совокупностью системных недостатков, которые препятствуют её использованию супругами в качестве полноценного механизма индивидуализации имущественных отношений и предопределяют сохраняющуюся зависимость супружеской пары от законного режима общности. Подтверждение или опровержение этой гипотезы предполагает последовательный анализ пяти проблемных узлов конструкции брачного договора, выявленных по итогам обобщения нормативного материала, актов высших судебных инстанций и доктринальных источников.

Первый, и, возможно, наиболее очевидный, недостаток состоит в ограниченной предметной сфере брачного договора. Согласно пункту 1 статьи 42 Семейного кодекса Российской Федерации [3] супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на всё своё имущество, на отдельные его виды или на имущество каждого из супругов. Пункт 3 той же статьи прямо запрещает регулировать брачным договором личные неимущественные отношения, а равно права и обязанности супругов в отношении детей. По сообщению А. В. Швеца и А. Е. Чубукиной, правовая природа брачного договора как сделки, направленной на изменение законного режима имущества, ставит его в положение специального инструмента, не способного в полной мере охватить разнообразие текущих имущественных отношений между супругами [17, с. 29]. По мнению Е. А. Чефрановой и С. Ю. Чашковой, ограниченная редакция статьи 42 Семейного кодекса Российской Федерации искусственно сужает потенциал договорной автономии супругов и не отвечает интересам бизнес-сообщества, в котором супружеские активы зачастую представляют сложную имущественную структуру [16, с. 28]. Действующая конструкция, лишённая возможности регламентировать механику пользования общим имуществом, превращается в одностороннюю формулу распределения активов на случай прекращения брака — но не в инструмент текущего имущественного управления, чем и объясняется её ограниченная привлекательность для супружеских пар.

Второй недостаток связан с оценочным характером критерия «крайне неблагоприятного положения» супруга, закреплённого в пункте 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации [3]. Указанная норма позволяет суду признать брачный договор недействительным полностью или в части, если содержащиеся в нём условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Между тем легальная дефиниция данного состояния отсутствует,

что порождает значительную вариативность судебных решений и подрывает принцип правовой определённости. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 [8] сделан осторожный шаг в сторону формализации критерия — пункт 15 указал, что под крайне неблагоприятным положением понимается, в частности, ситуация, когда один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака. Однако формулировка осталась неполной: за её пределами оказались случаи существенного, но не полного лишения, ситуации фактической экономической зависимости, обстоятельства, связанные с длительностью брака и вкладом супругов в общее благосостояние семьи. По справедливому замечанию С. Ю. Чашковой, отсутствие в Семейном кодексе Российской Федерации детализированных критериев приводит к существенным колебаниям судебной практики; один и тот же по содержанию договор в одном суде признаётся действительным, а в другом — нет, что несовместимо с принципом единства правоприменения [15, с. 14]. Анализ материалов судебной практики, обобщённой в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) [9], подтверждает: суды в значительной степени руководствуются интуитивным усмотрением, а не нормативно установленным алгоритмом, что закономерно приводит к снижению предсказуемости результата судебного спора.

Третий недостаток образует неприспособленность нормативной модели брачного договора к регулированию имущественных отношений по поводу цифровых активов. Введение в российский правовой порядок Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] породило новый объект гражданских прав — цифровой финансовый актив, обращающийся в распределённых реестрах и характеризующийся особыми свойствами: анонимностью пользователя, отсутствием централизованного администратора, технической сложностью идентификации владельца. Действующая редакция статьи 42 Семейного кодекса Российской Федерации [3] не содержит специальных правил, учитывающих эти особенности; брачный договор может лишь установить общий режим в отношении такого актива, но не способен предписать обязанность супругов раскрывать сведения о цифровом кошельке, передавать друг другу приватные ключи или соблюдать процедуры идентификации актива при разделе. По обоснованной оценке В. В. Аристова, нормативная конструкция договорного регулирования имущественных отношений супругов хронологически отстаёт от технологической реальности оборота: новые объекты гражданских прав не имеют адекватного отражения ни в общих положениях о

брачном договоре, ни в специальных нормах [11, с. 39]. Видимо, отмеченный пробел — не локальное упущение, а системный дефект, требующий специального нормативного решения, без которого договорное регулирование останется хронически отстающим от складывающихся форм имущественного оборота.

Четвёртый недостаток обнаруживается в зоне пересечения семейного и конкурсного права. С введением института банкротства физических лиц Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] правовое положение брачного договора существенно осложнилось: пункт 7 статьи 213.32 указанного закона позволяет финансовому управляющему оспорить брачный договор, заключённый в период подозрительности, по правилам главы III.1 закона. Соответствующий механизм неоднократно становился предметом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [7] и формирования практики Судебной коллегии по экономическим спорам. Конструкция брачного договора оказывается уязвимой даже в случаях, когда он заключён без какого-либо намерения причинить вред кредиторам: само по себе изменение режима имущества при последующем банкротстве толкуется арбитражными судами в пользу включения соответствующих активов в конкурсную массу. По выводу И. М. Шевченко, доктринальное и нормативное отсутствие чёткого баланса между свободой брачного договора и интересами кредиторов превращает данный институт в источник правовой нестабильности: супруги, заключившие договор по добросовестным мотивам, в случае последующего возбуждения дела о банкротстве одного из них фактически лишаются гарантий неприкосновенности достигнутых договорённостей [18, с. 119]. Такое положение, безусловно, дестимулирует обращение к договорной форме регулирования и формирует устойчивый репутационный риск для всего института брачного договора.

Пятым системным недостатком, по результатам анализа автора, выступает совокупность нотариально-формальных барьеров заключения и расторжения брачного договора. Согласно пункту 2 статьи 41 Семейного кодекса Российской Федерации [3] брачный договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Сама по себе нотариальная форма, обеспечивающая правовую квалифицированность волеизъявления супругов, оправдана; вместе с тем избранная российским законодателем модель сопряжена с рядом практических обременений. Тарификация нотариальных действий, установленная Основами законодательства Российской Федерации о нотариате [6], в совокупности со ставками федерального тарифа на нотариальное удостоверение брачного договора и сделок с имуществом, оформляемых в его развитие, в крупных городах формирует значимые для среднего домохозяйства величины. По наблюдению А. А. Тимкина, перечень действий, подлежащих повторному нотариальному удостоверению при изменении брачного договора и при оформлении сопряжённых сделок, формально широк, что усиливает кумулятивные затраты сторон и создаёт ощутимый барьер на стадии практической реализации договорных намерений супругов [14]. Нельзя не отметить и проблему профессионального разноречия нотариальной практики: единый методический инструментарий по составлению брачного договора отсутствует, и нотариусы зачастую руководствуются собственными типовыми бланками, не всегда учитывающими тонкости законодательства о цифровых активах, банкротстве, корпоративном участии. Закономерным результатом становится правовая неоднородность массива заключаемых договоров и снижение их предсказуемости для сторон.

Систематизация отмеченных дефектов наглядно представлена в таблице 1, обобщающей структуру выявленных недостатков и их нормативные источники.

Таблица 1. Систематика недостатков нормативной модели брачного договора в Российской Федерации.

№	Недостаток	Нормативный источник	Правовое последствие
1	Ограниченность предметной сферы (запрет регулирования личных отношений и порядка управления имуществом)	П. 3 ст. 42 СК РФ [3]	Снижение функциональности договора как инструмента имущественного управления
2	Оценочный характер критерия «крайне неблагоприятного положения»	П. 2 ст. 44 СК РФ [3]; п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 15 [7]	Непредсказуемость правоприменения; разноречивая судебная практика
3	Неприспособленность к регулированию цифровых активов	Ст. 42 СК РФ [3]; ФЗ № 259-ФЗ [5]	Отсутствие правового механизма раскрытия и идентификации активов

4	Уязвимость при банкротстве супруга	П. 7 ст. 213.32 ФЗ № 127-ФЗ [4]	Возможность оспаривания добросовестно заключённого договора
5	Нотариально-формальные барьеры	П. 2 ст. 41 СК РФ [3]; Основы законодательства РФ о нотариате [6]	Финансовое и процедурное обременение сторон

Совокупность выделенных недостатков позволяет утверждать, что заявленная гипотеза подтверждается: действующая нормативная модель брачного договора нуждается в системном пересмотре. Направления совершенствования законодательства, по мнению автора, должны включать: во-первых, расширение предметной сферы договора посредством включения в неё порядка управления общим имуществом, правил несения семейных расходов и оговорок об альтернативном разрешении имущественных споров; во-вторых, законодательную конкретизацию критериев «крайне неблагоприятного положения» путём закрепления в пункте 3 статьи 42 Семейного кодекса Российской Федерации открытого перечня соответствующих обстоятельств (полное лишение имущества; существенное лишение средств к существованию; фактическая невозможность ведения самостоятельной хозяйственной деятельности после расторжения брака); в-третьих, введение специальных правил договорного регулирования цифровых активов, включая обязанность супругов раскрывать сведения о соответствующих активах; в-четвёртых, выработку дифференцированных правил оспаривания брачного договора при банкротстве, основанных на принципе добросовестности и учёте мотивов заключения договора; в-пятых, разработку Федеральной нотариальной палатой типовых форм брачного договора, отражающих современную имущественную проблематику, а также сопутствующих коллизионных оговорок при наличии иностранного элемента [19, с. 41].

В качестве вывода уместно отметить, что юридическая конструкция брачного договора в её ныне действующей редакции обладает ограниченным регулятивным потенциалом и нуждается в комплексной модернизации. Пятиаспектная характеристика недостатков, представленная в настоящей статье, может послужить методологической основой для дальнейшей доктринальной разработки соответствующих изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и в смежные нормативные акты. По справедливому замечанию О. Н. Низамиевой, развитие договорных форм семейно-правовой сферы требует целостного концептуального подхода, не сводимого к точечным правкам отдельных статей [13, с. 26]. Без системной перестройки института брачный договор продолжит выполнять преимущественно декоративную функцию, оставаясь периферийным элементом российской системы регулирования имущественных отношений супругов. С

учётом учебно-практического материала, обобщённого А. Н. Левушкиным [12, с. 81], указанные предложения опираются на сравнительно-правовой опыт других государств — участников Содружества Независимых Государств и Балтии, что свидетельствует о востребованности соответствующих изменений в едином правовом пространстве.

#### Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
- [3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
- [4] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
- [5] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.
- [6] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утверждены Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 года № 4462-1 (в действующей редакции) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 10. — Ст. 357.
- [7] О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 2.
- [8] О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака:

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 (в редакции от 6 февраля 2007 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1999. — № 1.

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024): утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_477436/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477436/) (дата обращения: 28.04.2026).

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2024 года № 57-КГ24-1-К1 [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409374743/> (дата обращения: 28.04.2026).

[11] Аристов В. В. Режим общности имущества супругов в современной России: актуальные проблемы и дискуссии / В. В. Аристов // Закон. — 2024. — № 9. — С. 35–43.

[12] Левушкин А. Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах — участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: учебно-практическое пособие / А. Н. Левушкин. — Москва: Юстицинформ, 2012. — 274 с.

[13] Низамиева О. Н. Юридико-фактическая функция семейно-правового договора / О. Н. Низамиева // Lex Russica (Русский закон). — 2022. — Том 75. — № 4. — С. 19–36.

[14] Тимкин А. А. Институт брачного договора в России: проблемы практики применения / А. А. Тимкин // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 4.

[15] Чашкова С. Ю. Правовые режимы имущества супругов: вопросы теории и практики / С. Ю. Чашкова // Семейное и жилищное право. — 2023. — № 6. — С. 13–17.

[16] Чефранова Е. А. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) / Е. А. Чефранова, С. Ю. Чашкова // Lex Russica (Русский закон). — 2024. — Том 77. — № 12. — С. 23–44.

[17] Швец А. В. Правовая природа брачного договора / А. В. Швец, А. Е. Чубукина // Нотариус. — 2022. — № 1. — С. 28–31.

[18] Шевченко И. М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) / И. М. Шевченко // Закон. — 2023. — № 4. — С. 116–125.

[19] Шляпникова Д. М. Актуальные вопросы заключения брачного договора, осложнённого иностранным элементом / Д. М. Шляпникова // Нотариальный вестник. — 2022. — № 11. — С. 39–46.

## References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 46. — Art. 4532.

[3] Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 1. — Art. 16.

[4] On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 43. — Art. 4190.

[5] On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (Part I). — Art. 5018.

[6] Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries: approved by the Supreme Soviet of the Russian Federation on February 11, 1993, No. 4462-1 (as amended) // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. - 1993. - No. 10. - Article 357.

[7] On Certain Issues Related to the Specifics of the Formation and Distribution of Bankruptcy Assets in Citizen Bankruptcy Cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, No. 48 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2019. — No. 2.

[8] On the application of legislation by courts when considering divorce cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 5, 1998 No. 15 (as amended on February 6, 2007) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 1999. — No. 1.

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024 [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_477436/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477436/) (date of access: 04/28/2026).

[10] Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 16, 2024, No. 57-KG24-1-K1 [Electronic resource] // SPS «GARANT». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409374743/> (date of access: April 28, 2026).

[11] Aristov, V. V. The Regime of Community Property of Spouses in Modern Russia: Current Issues and Discussions / V. V. Aristov // Law. - 2024. - No. 9. - P. 35-43.

[12] Levushkin, A. N. Marriage Contract in the Russian Federation, Other Member States of the Commonwealth of Independent States and the Baltic States: A Study Guide / A. N. Levushkin. — Moscow: Yustitsinform, 2012. — 274 p.

[13] Nizamieva O. N. Legal and factual function of the family law contract / O. N. Nizamieva // Lex Russica (Russian law). — 2022. — Vol. 75. — No. 4. — Pp. 19–36.

[14] Timkin A. A. Institute of the marriage contract in Russia: problems of practical application / A. A. Timkin // Property relations in the Russian Federation. — 2024. — No. 4.

[15] Chashkova S. Yu. Legal regimes of the property of spouses: issues of theory and practice / S. Yu. Chashkova // Family and housing law. — 2023. — No. 6. — Pp. 13–17.

[16] Chefranova E. A. Directions for Improving the Legal Regulation of Spousal Property Relations (the Sphere of Coordination of Business Interests and Spouses' Interests) / E. A. Chefranova, S. Yu. Chashkova // Lex Russica (Russian Law). — 2024. — Vol. 77. — No. 12. — Pp. 23–44.

[17] Shvets A. V. Legal Nature of a Marriage Contract / A. V. Shvets, A. E. Chubukina // Notary. — 2022. — No. 1. — Pp. 28–31.

[18] Shevchenko I. M. On the Issue of the Regime of Spouses' Property Mass (Some Reflections on the Example of Bankruptcy Cases) / I. M. Shevchenko // Law. — 2023. — No. 4. — Pp. 116–125.

[19] Shlyapnikova D. M. Current issues of concluding a marriage contract complicated by a foreign element / D. M. Shlyapnikova // Notarial Bulletin. - 2022. - No. 11. - P. 39-46.



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**  
*www.law-books.ru*



# ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-68-71

Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

**ТОЛСТЫХ Илья Владимирович,**

магистрант, 2 курс, кафедра гражданского и предпринимательского права,  
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,  
г. Новосибирск, Россия,  
e-mail: newilya-001@mail.ru

## ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РИСКА

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема разграничения обстоятельств непреодолимой силы и предпринимательского риска в российском гражданском праве. Актуальность исследования обусловлена увеличением числа споров, связанных с экономическими кризисами, санкциями, колебаниями валютных курсов и пандемиями. В работе анализируются теоретические подходы к определению предпринимательского риска, а также судебная практика, касающаяся признания различных обстоятельств непреодолимой силой. Подчёркивается, что отсутствие чётких критериев разграничения рассматриваемых правовых категорий приводит к правовой неопределённости и затрудняет защиту интересов предпринимателей. В результате предлагается разработать системные критерии для разделения предпринимательских рисков и обстоятельств непреодолимой силы, что поможет упростить разрешение спорных ситуаций и снизить правовую неопределённость.

**Ключевые слова:** обстоятельства непреодолимой силы, предпринимательский риск, экономические кризисы, санкции, валютные колебания, правовая неопределённость.

**TOLSYKH Ilya Vladimirovich,**

Master's student, second year, Department of Civil and Entrepreneurial Law,  
Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH»,  
Novosibirsk, Russia

## THE PROBLEM OF DISTINGUISHING FORCE MAJEURE AND ENTREPRENEURIAL RISK

**Annotation.** The article discusses the problem of distinguishing force majeure circumstances and business risk in Russian civil law. The relevance of the study is due to the increasing number of disputes related to economic crises, sanctions, currency fluctuations and pandemics. The paper analyzes theoretical approaches to the definition of entrepreneurial risk, as well as judicial practice regarding the recognition of various circumstances as force majeure. It is emphasized that the lack of clear criteria for distinguishing the legal categories under consideration leads to legal uncertainty and makes it difficult to protect the interests of entrepreneurs. As a result, it is proposed to develop systematic criteria for separating business risks and force majeure circumstances, which will help simplify the resolution of disputes and reduce legal uncertainty.

**Key words:** force majeure circumstances, business risk, economic crises, sanctions, currency fluctuations, legal uncertainty.

В современных правовых реалиях вопрос разграничения обстоятельств непреодолимой силы и предпринимательского риска приобретает особую актуальность. Это связано с ростом числа споров, возникающих на фоне экономических кризисов, введения санкций, колебаний валютных курсов, пандемий и иных внешних факторов. Российские суды и участники гражданского оборота всё чаще сталкиваются с необходимостью чётко определять, является ли то или иное событие основанием для освобождения

от ответственности либо оно должно быть квалифицировано как обычный предпринимательский риск.

В российском гражданском праве категория риска традиционно рассматривается как неотъемлемый признак предпринимательской деятельности. Согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, предпринимательская деятельность осуществляется на свой риск. Однако ни законодательство, ни судебная практика не содержат универсального определения предпринимательского риска, что

порождает правовую неопределённость и широкие дискреционные полномочия судов при разрешении споров [1].

Дискуссии о сущности предпринимательского риска ведутся и в научной среде. Ю. Б. Фогельсон определяет риск как причинение вреда из-за опасности с учетом вероятности причинения этого вреда этой опасностью [2]. В. А. Копылов рассматривает риск как осознание предпринимателем возможности неблагоприятных исходов и готовность принять связанные с ними убытки [3]. Н. В. Рубцова связывает предпринимательский риск с вероятностью неисполнения обязательств из-за действий контрагентов или изменения условий деятельности, не зависящих от самого предпринимателя, включая неполучение ожидаемой прибыли [4]. А. В. Золотухин фокусируется на имущественных потерях, таких как неоправданные расходы или упущенная выгода [5].

В целом, предпринимательский риск представляет собой комплекс факторов, зачастую находящихся вне контроля предпринимателя. При обсуждении рисков в предпринимательской деятельности важно понимать, что многие предприниматели ошибочно относят невозможность выполнения договорных обязательств к предпринимательским рискам. Даже ст. 401 ГК РФ исключает из положений о непреодолимой силе отдельные обстоятельства, которые не зависят от субъекта предпринимательской деятельности. В отличие от обстоятельств непреодолимой силы, такие риски не освобождают от ответственности за неисполнение предпринимателем взятых на себя обязательств.

Так, в ч. 3 ст. 401 ГК РФ, указывается, что не относятся к обстоятельствам непреодолимой силы, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств. Кроме того, абз. 4 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» даёт пояснение к данному положению и немного расширяет перечень примеров: «не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например, отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей».

Анализ актуальной судебной практики показывает, что суды при разрешении споров об освобождении от ответственности по ч. 3 ст. 401 ГК РФ активно используют категорию предпринимательского риска.

Вопрос о признании COVID-19 обстоятельством непреодолимой силы получил исчерпывающие разъяснения от Верховного Суда РФ,

которые были неоднократно им самим и нижестоящими судами использованы в практике. При этом в судебных решениях также применялась и категория предпринимательского риска. Так, в одном из случаев суд не счел распространение COVID-19 непреодолимой силой, мотивируя это тем, что поставщик, заключая договор, был осведомлен о продолжающейся эпидемиологической ситуации и, следовательно, имел возможность предвидеть связанные с ней риски [6]. Таким образом, в период пандемии COVID-19 суды могли признать распространение инфекции обстоятельством непреодолимой силы, но, в частности, при том условии, что сторона не могла предвидеть эпидемиологическую ситуацию на момент заключения договора.

Судебная практика по вопросу признания санкций непреодолимой силой является неоднозначной. Преобладает тенденция, согласно которой односторонние ограничительные меры, направленные против конкретных субъектов гражданского оборота, как правило, не квалифицируются как обстоятельства непреодолимой силы [7]. Проблема предвидимости санкционных ограничений напрямую влияет на возможность признания их непреодолимой силой. В случаях, когда санкции уже действовали или могли быть предвидены сторонами на момент заключения договора, судебные органы, как правило, рассматривают их последствия как часть предпринимательского риска. Многочисленные судебные прецеденты подтверждают, что осведомленность о наличии санкций при заключении сделки исключает возможность их последующего признания в качестве обстоятельств непреодолимой силы. Так, Третий арбитражный апелляционный суд, отказывая в признании санкций непреодолимой силой, в своем постановлении по делу № А33-4284/2019 подчеркнул, что ответчик, заключая дополнительное соглашение 05.10.2016, уже знал о введенных в 2014 году санкциях против России [8].

Колебание курса валют также не признаётся непреодолимой силой, поскольку предприниматель должен был учитывать возможность изменения курса при заключении договора [9; 10]. Так, в одном из дел суд подчеркнул, что колебания курса рубля по отношению к иностранным валютам не являются обстоятельством непреодолимой силы, которое нельзя было предвидеть [11]. Стороны, вступая в договорные отношения, должны были осознавать и учитывать возможность резкого обесценивания национальной валюты в период действия договора, особенно учитывая, что закупка оборудования осуществлялась в Европе.

Таким образом, суды исходят из того, что предприниматель должен проявлять повышенную осмотрительность и учитывать коммерческие риски, связанные с его сферой деятельности (ухудшение конъюнктуры, финансовый кризис, колебания курсов валют) [12]. Если стороны мог-

ли предвидеть или предусмотрели в договоре механизмы адаптации к рискам (например, валютные оговорки, индексация), то такие обстоятельства не признаются непреодолимой силой, а считается предпринимательским риском. Введение санкций, отказ иностранных контрагентов от исполнения обязательств, резкое изменение валютного курса чаще всего квалифицируются как предпринимательский риск, а не форс-мажор. Исключения делаются лишь в случаях, когда событие действительно было непредвидимым и непреодолимым для всех участников рынка (например, начало пандемии COVID-19 в 2020 году).

Отсутствие единых и ясных критериев для разграничения непреодолимой силы и предпринимательского риска является одной из главных проблем современного гражданского права. Эта неопределенность или непоследовательность в определении понятий создает препятствия для нормального функционирования правовой системы и рыночных механизмов, что проявляется в различных негативных аспектах [13].

В целях повышения правовой определенности и стабильности гражданского оборота предлагается четко определить в законодательстве и, что такое предпринимательский риск и где проходят его границы. Это позволит судам различать обычные деловые риски от исключительных обстоятельств, относящихся к непреодолимой силе. Ключевым моментом также является создание системных правил для определения предвидимости и предотвратимости негативных событий. Это послужит основой для их классификации как предпринимательского риска или обстоятельства непреодолимой силы. При этом следует учитывать вероятность события, предпринятые меры по его предотвращению и объективные сложности ситуации. Разработка таких правил повысит ясность законодательства и сделает его применение более предсказуемым.

В заключение следует констатировать, что разграничение непреодолимой силы и предпринимательского риска — одна из ключевых проблем современного гражданского права. Четкое определение этих категорий необходимо для обеспечения баланса интересов участников рынка, повышения предсказуемости судебных решений и стимулирования предпринимательской активности в условиях экономической нестабильности.

#### Список литературы:

- [1] Савенко Н.Е. Форс-мажор и предпринимательские риски в период пандемии коронавируса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. №3. С. 50-56.
- [2] Фогельсон Ю. Б. Конструкции «интерес» и «риск» в гражданском праве // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 21-29.
- [3] Копылов В. А. Риск в предпринимательской деятельности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 23 с.

[4] Рубцова Н. В. Предпринимательская деятельность: понятие, общая характеристика, рисковый характер (к вопросу о дискуссии) // Ученые записки юрид. факультета. 2015. № 39(49). С. 28-32.

[5] Золотухин А. В. К вопросу о понятии и признаках предпринимательского риска // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 71-75

[6] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 июня 2023 № Ф03-2108/2023 по делу № А04-2090/2022 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

[7] Загинайко Ю.Д. Санкции США и Европейского Союза как основание неисполнения обязательства: вопросы судебной практики // Арбитражные споры. 2023. №2. С. 30-39.

[8] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 16.08.2019 по делу № А33-4284/2019 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.05.2026).

[9] Определение Конституционного суда РФ от 26.05.2016 № 1019-0 // Конституционный суд РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

[10] Обзор судебной практики Верховного суда № 1, утв. Президиумом Верховного суда от 16.02.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №1, 2, 3.

[11] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03 августа 2017 № Ф05-9562/2017 по делу № А40-129109/2016 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).

[12] Хаустова Ю.Ю. Колебание курса валют как последствие введения санкций и контрсанкций и его влияние на исполнение обязательств // Вопросы российской юстиции. 2023. №23. С. 222-230.

[13] Гусейнова Г. Э. Предпринимательский риск в условиях экономического кризиса: анализ правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2024. №2 (159). С. 151-159.

#### References:

- [1] Savenko N.E. Force Majeure and Entrepreneurial Risks during the Coronavirus Pandemic // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2020. No. 3. Pp. 50-56.
- [2] Fogelson Yu.B. The Constructions of «Interest» and «Risk» in Civil Law // Business and Law. 2003. No. 6. Pp. 21-29.
- [3] Kopylov V.A. Risk in Entrepreneurial Activity: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd, 2003. 23 p.
- [4] Rubtsova N.V. Entrepreneurial Activity: Concept, General Characteristics, Risky Nature (Towards a Discussion) // Scientific Notes of the Law

Faculty. 2015. No. 39(49). P. 28-32.

[5] Zolotukhin A. V. On the Concept and Features of Entrepreneurial Risk // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2015. No. 2. P. 71-75

[6] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated June 21, 2023 No. F03-2108/2023 in case No. A04-2090/2022 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date accessed: 04.05.2026).

[7] Zaginayko Yu. D. Sanctions of the United States and the European Union as a basis for failure to fulfill an obligation: issues of judicial practice // Arbitration Disputes. 2023. No. 2. P. 30-39.

[8] Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal dated August 16, 2019, in case No. A33-4284/2019 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: May 1, 2026).

[9] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 26, 2016 No. 1019-0 // Constitutional Court of the Russian Federation. URL:

<https://www.ksrf.ru/> (accessed: May 4, 2026).

[10] Review of Judicial Practice of the Supreme Court No. 1, approved by the Presidium of the Supreme Court on February 16, 2017 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 1, 2, 3.

[11] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated August 3, 2017 No. F05-9562/2017 in case No. A40-129109/2016 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: 04.05.2026).

[12] Khaustova Yu. Yu. Exchange Rate Fluctuations as a Consequence of the Introduction of Sanctions and Counter-Sanctions and Its Impact on the Fulfillment of Obligations // Issues of Russian Justice. 2023. No. 23. pp. 222-230.

[13] Guseynova G. E. Entrepreneurial Risk in the Context of Economic Crisis: Analysis of Law Enforcement Practice // Current Issues of Russian Law. 2024. No. 2 (159). P. 151-159.



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*



# ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2026-2-72-76

Дата принятия рукописи в печать: 22.05.2026 г.

**ТАЩИЛИН Р.И.,**

судья Харцызского межрайонного суда Донецкой Народной Республики,  
аспирант ФГБОУ ВО «Донбасский Государственный Университет Юстиции»  
(ДГУЮ Минюста России),  
e-mail: romantasilin56@gmail.com

## **#8 ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И АПРОБАЦИЯ. АПРОБАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТНОГО ПРОЕКТА НА МАССИВЕ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕБОЛЬШОЙ И СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ**

Научная статья из цикла статей на тему:

«Методологический порядок назначения уголовного наказания: от концепции к алгоритму»

**Аннотация.** Статья посвящена практической проверке разработанной ранее математической модели Интегрального индекса тяжести преступления (ИТП). На основе ретроспективного анализа архивных уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести (кражи, причинение вреда здоровью, мошенничество) проведено сравнение наказаний, назначенных судьями в обычном порядке, с теми, которые были бы определены по методологическому расчёту. Результаты демонстрируют существенное снижение разброса сроков и видов наказания при использовании модели, что подтверждает её способность обеспечивать единообразие судебной практики. Вместе с тем выявлены «пограничные» случаи, требующие тонкой настройки параметров модели корректировки весовых коэффициентов, уточнения шкал оценки отдельных обстоятельств и введения дополнительных корректоров. Сделан вывод о готовности методологического порядка к поэтапному внедрению в судебную практику.

**Ключевые слова:** апробация, методологический порядок, Интегральный индекс тяжести преступления, пилотный проект, ретроспективный анализ, единообразие судебной практики, пограничные случаи, тонкая настройка.

**TASHCHILIN R.I.,**

Judge of the Khartsyzsk Interdistrict Court of the Donetsk People's Republic,  
Postgraduate Student at the Donbass State University of Justice  
(DSUJ of the Ministry of Justice of Russia)

## **#8 PRACTICAL APPLICATION AND APPROBATION. APPROBATION OF THE METHODOLOGICAL ORDER: RESULTS OF A PILOT PROJECT ON A SAMPLE OF CRIMES OF MINOR AND MODERATE GRAVITY**

Scientific article from a series of articles on the topic:

«Methodological order of criminal punishment: from concept to algorithm»

**Annotation.** The article is devoted to the practical testing of the previously developed mathematical model of the Integral Crime Severity Index (ICSI). Based on a retrospective analysis of archival criminal cases on crimes of minor and moderate gravity (theft, bodily harm, fraud), a comparison is made between the sentences imposed by judges in the ordinary order and those that would have been determined by the methodological calculation. The results demonstrate a significant reduction in the spread of terms and types of punishment when using the model, which confirms its ability to ensure uniformity of judicial practice. At the same time, «borderline» cases were identified that require fine-tuning of the model parameters adjusting the weighting coefficients, clarifying the scales for assessing individual circumstances and introducing additional correctors. It is concluded that the methodological order is ready for phased implementation in judicial practice.

**Key words:** *approbation, methodological order, Integral Crime Severity Index, pilot project, retrospective analysis, uniformity of judicial practice, borderline cases, fine-tuning.*

## Введение

Разработанный в предшествующих статьях цикла методологический порядок представляет собой стройную математическую модель, призванную обеспечить единообразие и прозрачность назначения уголовного наказания. Однако теоретическая конструкция нуждается в эмпирической проверке: насколько её результаты соответствуют реальной судебной практике? Способен ли алгоритм сгладить неоправданные колебания в назначении наказания за аналогичные деяния в разных регионах?

Настоящая статья представляет результаты апробации методологического порядка на основе анализа приговоров судов Российской Федерации, вынесенных в 2025 году и размещённых в открытых источниках (ГАС «Правосудие», sudact.ru, официальные сайты судов). Выборка сформирована таким образом, чтобы отразить реальное многообразие судебной практики и выявить как сильные стороны модели, так и направления её тонкой настройки.

### 1. Методология исследования

#### 1.1. Источники и критерии отбора

Для анализа отбирались уголовные дела, рас-

смотренные судами общей юрисдикции в период с января по декабрь 2025 года, по следующим категориям преступлений:

- кражи (ст. 158 УК РФ);
- мошенничество (ст. 159 УК РФ);
- умышленное причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 112, 115 УК РФ);
- побои (ст. 116 УК РФ).

Основные источники:

- официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы (mos-gorsud.ru);
- Государственная автоматизированная система «Правосудие» (sudrf.ru);
- база судебных решений «СудАкт» (sudact.ru);
- официальные сайты районных судов Смоленской, Челябинской, Ульяновской областей, ХМАО-Югры.

Всего в выборку вошло 247 уголовных дел из 12 регионов Российской Федерации. Критерии включения: преступления небольшой и средней тяжести (ч. 1–2 ст. 158, ч. 1–2 ст. 159, ст. 112, 115, 116 УК РФ), наличие полного текста приговора, содержащего все данные, необходимые для расчёта ИТП (размер ущерба, характер вреда здоровью, смягчающие и отягчающие обстоятельства, сведения о личности).

Таблица 1. Состав выборки по статьям и регионам.

Статья УК РФ	Количество дел	Регионы (примеры)
ч. 1 ст. 158	84	Москва, Санкт-Петербург, Челябинская обл., ХМАО
ч. 2 ст. 158	52	Смоленская обл., Удмуртия, Московская обл.
ч. 1–2 ст. 159	38	Смоленск, Москва, Татарстан
ст. 112	29	Ульяновская обл., Челябинская обл.
ст. 115	26	ХМАО-Югра, Ростовская обл.
ст. 116	18	Нижегородская обл., Краснодарский край
ИТОГО	247	12 регионов

#### 1.2. Процедура расчёта

По каждому делу из приговора фиксировались:

- данные о физическом вреде (наличие, степень);
- сумма имущественного ущерба;
- перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств (ст. 61, 63 УК РФ);
- сведения о криминальном анамнезе (судимости, рецидив);
- социально-личностные характеристики (семейное положение, наличие иждивенцев, трудоустройство).

Затем эти данные вводились в прототип цифрового ассистента (разработанный в среде Excel,

см. статью № 7), который автоматически вычислял ИТП и определял вид и размер наказания по универсальной матрице (6 видов наказания,  $W_d = 0,7$ ;  $W_l = 0,3$ ; границы СООЛ:  $-20 \dots +40$ ).

### 2. Результаты апробации

#### 2.1. Соответствие расчётных и реальных наказаний

В 178 делах (72,1%) вид наказания, определённый моделью, совпал с реально назначенным. В 69 делах (27,9%) вид наказания различался. При этом в большинстве случаев расхождения наблюдались между смежными видами наказания: например, вместо штрафа суд назначил обязательные работы, или вместо ограничения свободы – исправительные работы.

Таблица 2. Совпадение вида наказания по категориям дел.

Категория дел	Совпадение вида	Наиболее частые расхождения
Кражи (ч. 1 ст. 158)	76%	Штраф ↔ обязательные работы
Мошенничество (ч. 1–2 ст. 159)	68%	Штраф ↔ исправительные работы
Вред здоровью (ст. 112, 115)	71%	Обязательные ↔ исправительные работы
Побои (ст. 116)	73%	Штраф ↔ обязательные работы

Анализ размеров наказания (в пределах совпадающего вида) показал, что среднее абсолютное отклонение расчётного размера от реального составило 15,3%. Медианное отклонение – 10,2%, что свидетельствует о наличии небольшого числа дел с аномально большим расхождением.

Так, около 68% дел имеют отклонение в пределах  $\pm 20\%$ ; около 12% дел – отклонение более 30%.

### 2.2. Анализ конкретных дел из выборки

Дело № 1-409/2025 (Миасский городской суд Челябинской области) в отношении В., ранее судимая, совершила 11 эпизодов краж из магазинов «Пятерочка» и один эпизод мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ). Общая сумма ущерба – около 45 000 руб. Смягчающие обстоятельства: признание вины, наличие малолетнего ребёнка. Отягчающее обстоятельство: рецидив преступлений. Реальный приговор: лишение свободы условно (с применением ст. 73 УК РФ, что в методологическом порядке не применяется). Расчёт по модели (без учёта возможности условного осуждения): ИТП = 0,61, что соответствует ограничению свободы сроком 8 месяцев. Данное дело иллюстрирует необходимость чёткого разграничения сферы применения методологического порядка (только реальное наказание).

Дело о мошенничестве (Ленинский районный суд г. Смоленска). Ч. совершил четыре мошен-

ничества (ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ) на общую сумму свыше 6,2 млн руб. Смягчающие обстоятельства: состояние здоровья, участие в благотворительности. Отягчающие отсутствуют. Реальный приговор: лишение свободы на 6 лет. Расчёт по модели (с учётом крупного размера ущерба, дающего  $\chi = 5$  баллов за каждый эпизод) дал ИТП = 0,88, что соответствует лишению свободы сроком 5 лет 8 месяцев. Отклонение – 5,6% (в пределах допустимого).

Дело № 1-276/2025 (Куйбышевский районный суд Санкт-Петербурга). Т. совершил кражу с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) на сумму около 6 800 руб. Смягчающие обстоятельства: наличие малолетнего ребёнка, частичное возмещение ущерба. Отягчающие отсутствуют. Реальный приговор: лишение свободы условно (с применением ст. 73 УК РФ). Расчёт по модели (без учёта условности) дал ИТП = 0,52, что соответствует ограничению свободы. Дело требует дополнительного анализа в части применения ст. 73 УК РФ.

### 2.3. Влияние на разброс наказаний

Одной из ключевых целей методологического порядка является снижение неоправданного разброса наказаний за аналогичные деяния. Для проверки этого эффекта автор сравнил коэффициенты вариации сроков наказания по однородной группе дел (ч. 1 ст. 158 УК РФ, отсутствие отягчающих, наличие смягчающих).

Таблица 3. Сравнение коэффициентов вариации.

Показатель	Реальная практика	Расчёт по модели	Снижение
Сроки лишения свободы (условные)	0,52	0,36	31%
Сроки обязательных работ	0,44	0,28	36%
Размеры штрафов	0,61	0,39	36%

Данные подтверждают, что модель действительно «сжимает» разброс, делая практику более единообразной, но не приводит к полной нивелировке индивидуальных особенностей.

### 3. Пограничные случаи и направления тонкой настройки

#### 3.1. Проблема оценки морального вреда

В 12% дел (особенно по ст. 115, 116 УК РФ) расхождение было вызвано отсутствием в приговоре чёткой оценки морального вреда либо её несоответствием формализованной шкале. Предлагается:

уточнить критерии оценки морального вреда в проекте Постановления Пленума;

рекомендовать при рассмотрении дел в методологическом порядке обязательное проведение судебно-психологической экспертизы при заявлении о моральном вреде свыше 2 баллов.

#### 3.2. Учёт множественности преступлений

В делах с несколькими эпизодами (например, № 1-409/2025) модель, применённая к каждому эпизоду отдельно, даёт заниженный результат по сравнению с реальной практикой, где суды применяют принцип частичного сложения наказаний. Требуется разработка специального модуля для расчёта по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ) и совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ).

#### 3.3. Региональные особенности

Анализ выявил некоторые региональные различия: например, в Москве и Санкт-Петербурге штрафы назначаются чаще и в больших размерах, чем в регионах. Это может быть учтено путём введения региональных корректирующих коэффициентов, утверждаемых на уровне субъектов РФ в пределах, установленных Верховным Судом РФ.

#### 3.4. Соотношение со ст. 73 УК РФ

Значительная часть расхождений (около 15%) связана с применением условного осуждения, которое в методологическом порядке не применяется. Подтверждается правильность исключения ст. 73 УК РФ из сферы действия методологического порядка, заложенного в статье № 5.

### 4. Выводы и рекомендации

1. Основной результат: методологический порядок демонстрирует высокую степень соответствия реальной судебной практике (совпадение вида наказания в 72% случаев, отклонение в размере в пределах 15%) и позволяет снизить разброс наказаний на 30–40%.

2. Готовность к внедрению: модель может быть рекомендована к поэтапному внедрению в факультативном режиме с обязательным мониторингом и сбором статистики.

3. Направления доработки:

разработка постатейных матриц для отдельных составов (мошенничество, кражи с банковского счета);

- создание модуля для расчёта по совокупности преступлений;

- уточнение шкалы оценки морального вреда;

- калибровка весовых коэффициентов на основе расширенной статистики.

### Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 12 сентября 2025 года по делу о мошенничестве (ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ) // Официальный сайт суда. URL: [https://leninsky.sml.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=126](https://leninsky.sml.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=126) (дата обращения: 14.03.2026).

[3] Приговор № 1-409/2025 от 2 октября 2025 года Миасского городского суда Челябинской области в отношении В. // Официальный сайт суда. URL: <https://miass--chel.sudrf.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

[4] Приговор № 1-276/2025 от 5 августа 2025 года Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qRmavgyfL21z/> (дата обращения: 14.03.2026).

[5] Приговор № 1-338/2025 от 14 августа 2025 года Ленинского районного суда г. Ижевска // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UVVsF6o7Edr9/> (дата обращения: 14.03.2026).

[6] Информация по уголовным делам мировых судей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2025 год // Официальный сайт. URL: <http://ftp.mirsud86.ru/activity/decisionus/?pn=8&year=2025> (дата обращения: 14.03.2026).

[7] Информация по делу № 01-0283/2025 Гагаринского районного суда г. Москвы // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

[8] Обобщение судебной практики Ульяновского областного суда за 2025 год // Официальный сайт. URL: <http://www.ulobsud.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

[9] Тацилин Р.И. Методологический порядок в уголовном судопроизводстве: математическая формализация // Цикл статей. – 2026. – Статья № 1–7.

### References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[2] Verdict of the Leninsky District Court of Smolensk of September 12, 2025 in the case of fraud (Parts 3, 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Official website of the court. URL: [https://leninsky.sml.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=126](https://leninsky.sml.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=126) (date accessed: 14.03.2026).

[3] Verdict No. 1-409/2025 of October 2, 2025 of the Miass City Court of the Chelyabinsk Region against V. // Official website of the court. URL: <https://miass--chel.sudrf.ru> (date accessed: 14.03.2026).

[4] Sentence No. 1-276/2025 of August 5, 2025, of the Kuibyshevsky District Court of St. Petersburg // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAkt). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qRmavgyfL21z/> (date accessed: 14.03.2026).

[5] Sentence No. 1-338/2025 of August 14, 2025, of the Leninsky District Court of Izhevsk // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UVVsf6o7Edr9/> (date accessed: 14.03.2026). [6] Information on criminal cases of justices of the peace of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra for 2025 //

Official website. URL: <http://ftp.mirsud86.ru/activity/decisionus/?pn=8&year=2025> (date of access: March 14, 2026).

[7] Information on case No. 01-0283/2025 of the Gagarinsky District Court of Moscow // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (date of access: March 14, 2026).

[8] Summary of judicial practice of the Ulyanovsk Regional Court for 2025 // Official website. URL: <http://www.uloblsud.ru> (date of access: March 14, 2026).

[9] Tashchilin R.I. Methodological order in criminal proceedings: mathematical formalization // Series of articles. – 2026. – Article No. 1–7.



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**  
*www.law-books.ru*

# ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 2 (АПРЕЛЬ-ИЮНЬ) 2026 ГОД



научно-издательская группа

**ЮРКОМПАНИ**